

*ВЕСТНИК
Новосибирского
государственного
педагогического
университета*

2

2011

ВЕСТНИК
Новосибирского
государственного
педагогического
университета

Редакционная коллегия:

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
www.vestnik.nspu.ru

Пушкарёва Елена Александровна д.филос. н., профессор
главный редактор

Майер Борис Олегович д.филос. н., профессор
заместитель главного редактора

Агавелян Рубен Оганесович д.психол. н., профессор,
ответственный секретарь

Журнал выходит
4 раза в год

**В состав редколлегии также входят
ответственные редакторы журнала по разделам:**

Учредитель
ФГБОУ ВПО
Новосибирский
государственный
педагогический
университет

**Редакционно-издательский
отдел:**

г. Новосибирск
ул. Виллюйская, д. 28
тел. (383) 244-02-43
E-mail: vestnik.nspu@mail.ru

Номер подписан к выпуску
27.06.2011

**Педагогические и
психологические науки** Абаскалова Н.П.,
д.пед. н., проф.

**Философские и
гуманитарные науки** Зверев В. А.
д.ист. н., проф.

**Биологические, химические,
медицинские науки** Просенко А. Е.
д.хим. н., проф.

**Физико-математические и
технические науки** Трофимов В. М.
д.физ-мат. н., проф.

**Социально-экономические
науки** Ряписов Н. А.
д.экон. н., проф.

Филологические науки Трипольская Т. И.
д.филолог. н., проф.

**Культурология и
искусствоведение** Исакова Н. В.
д.филос. н., проф.

Редакционный совет

формируется по принципу максимального представительства предлагаемых разделов из числа ведущих ученых ФБГОУ ВПО НГПУ штатных сотрудников и совместителей.

Айзман Роман Иделевич	доктор биологических наук, профессор
Барахтенова Людмила Алексеевна	доктор биологических наук, профессор
Герасёв Алексей Дмитриевич	доктор биологических наук, профессор
Дмитриева Наталья Витальевна	доктор психологических наук, профессор
Жафяров Акрам Жафярович	доктор физико-математических наук, профессор, член.-корр. РАО
Зверев Владимир Александрович	доктор исторических наук, профессор
Лепин Петр Вольдемарович	доктор педагогических наук, профессор
Овчинников Юрий Эдуардович	доктор физико-математических наук, профессор
Перфильева Наталья Петровна.	доктор филологических наук, профессор
Печерская Татьяна Ивановна	доктор филологических наук, профессор
Просенко Александр Евгеньевич	доктор химических наук, профессор
Ряписов Николай Александрович	доктор экономических наук, профессор
Сахаров Андрей Валентинович	доктор биологических наук, профессор
Трипольская Татьяна Ивановна	доктор филологических наук, профессор
Трофимов Виктор Маратович	доктор физико-математических наук, профессор
Турченко Владимир Николаевич	доктор философских наук, профессор
Умбраско Константин Борисович	доктор исторических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Методологические основания западной историографии

М. Е. Давыдов

Кризис западной методологии в изучении «холодной войны» и социологический подход С. 6-16

М. А. Сидоренко

Создание двора Людовика XIV как политический проект С. 17-26

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Методы исследования личности в психологии

Е.К. Жердева

Анализ акцентуаций характера в контексте изучения личностной идентичности С. 28-45

И.Г. Комиссарова

Инструментарий определения типических черт современного студенчества С. 46-54

Психолого-педагогические аспекты гендерного подхода в образовании

Р.П. Ляхов

Особенности субъективности у девушек, осуществляющих и не осуществляющих автобиографическую практику С. 56-66

Н.Р. Стрельникова

Отношение ВИЧ-инфицированных женщин, находящихся в местах лишения свободы, к беременности и детям С. 67-76

ФИЛОСОФСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Методологические основания западной историографии

УДК 930+94+327

М. Е. Давыдов

*аспирант кафедры всеобщей
истории, историографии и источниковедения
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»*

КРИЗИС ЗАПАДНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В данной статье рассматриваются современные подходы к изучению «холодной войны», сложившиеся на Западе. Показаны кризисные явления в методологии, наметившиеся в западной историографии «холодной войны», и рассматривается социологический подход как возможный вариант выхода из методологического тупика.

Ключевые слова: «холодная война»; теория международных отношений; историография; методологические подходы.

В современной западной историографии наметились качественные изменения в изучении «холодной войны», которые связаны с огромным интересом к данному феномену у американских и европейских историков. Следствием этого стало большое количество литературы, изданной в последние два десятилетия после распада СССР. Повышенный интерес к проблеме «холодной войны» связан с рассекречиванием архивов Советского Союза и появлением новых источников, с «победой» США в «холодной войне» (следовательно, такой положительный опыт должен быть основательно изучен) и с наличием пережитков «холодной войны» в современных международных отношениях.

Главным же последствием такого углубленного изучения «холодной войны» европейскими и американскими учеными стало возникновение нескольких методологических подходов к вопросу о причинах возникновения и развития этого явления.

Одним из ведущих специалистов в области современной историографии «холодной войны» является Одд Арне Вестаад, который возглавляет вместе с

профессором Майклом Коксом Центр изучения «холодной войны» в Лондонской школе экономической и политической науки. В вводной статье к сборнику «Пересматривая Холодную Войну: подходы, интерпретация и теория» Вестад подробно раскрывает содержание и концепции современных исследований, наиболее признанных на Западе. Автор указывает на то, что сегодня «холодную войну» изучают две большие группы ученых – это собственно историки и исследователи, занимающиеся историей и теорией международных отношений [Westad, 2000. P. 3]. На Западе сейчас господствуют нео-позитивизм и интерпретаторский подход, а в теории международных отношений (МО) – реализм и конструктивизм [Westad, 2000. P. 8].

Рассмотрением преимуществ и проблем этих подходов занимается также Нед Лебоу из Дартмутского колледжа, сотрудничающий с Лондонской школой экономической и политической науки. Приводя соответствующую классификацию, Лебоу, Вестад, а вслед за ними Гэддис избегают называть конкретные фамилии исследователей либо делают это очень редко. Гэддиса, например, вряд ли можно отнести к какому либо из указанных направлений, так как в целом его подход выглядит как цивилизационный [Gaddis, 2002.]. Интерпретаторские позиции занимает историк, проректор Флорентийского университета Эннио Ди Нольфо, в концепции которого движущими силами «холодной войны» выступают: с одной стороны – фигура Сталина и отсутствие противовесов этой фигуре в советской политической системе – с другой стороны [цит. по Петелин, 2004. С. 9].

Изучением «холодной войны» с позиции теории международных отношений занимается профессор, возглавляющий факультет государственного управления Дартмутского колледжа, Виллиам Курти Вохлфорв. Его подход Од Арне Вестад назвал «стремящимся к „реализму”». Реалисты, как указывает Гэддис, считают, что каждая нация на каждом отрезке истории стремится «максимизировать свою силу» [Gaddis, 2002. P. 57]. Если говорить коротко, то подход Вохлорфа выражается в следующем: «невозможно рассматривать международную политику, не рассматривая вопрос о власти» [Wohlforth, 1993. P. 2.].

Другой ученый, Гейр Лундерстад, директор Норвежского нобелевского института и профессор истории в университете города Осло, относит себя к школе, опирающейся на политический реализм. Согласно концепции Гейра

Лундестада, «ряд особенностей [конфликта] был предопределен системой международных отношений, в то время как многие другие черты холодной войны были связаны с идеологиями, нациями и индивидами» [Lundestad 2005, P. 8].

Однако Вестад указывает, что и реализм, и конструктивизм в изучении «холодной войны» имеют одно общее место – они «работают с системами, тратя много времени на то, чтобы выяснить, как элементы этих систем продуцируют измеримый результат» [Westad, 2000. P. 8]. Построением таких систем, или, иначе говоря, моделей, занимается Мэри Калдор, профессор Лондонской школы экономической и политической науки, содиректор Центра изучения глобального управления. Ее исследования раскрывают «холодную войну» с точки зрения теории войн и конфликтов [Kaldor, 2006.].

Специалисты в области «холодной войны», как Мелвин П. Леффлер – профессор истории в университете Вирджинии, и ассоциированный профессор истории Джорджтаунского университета Дэвид С. Пэинтер, не могут быть отнесены в чистом виде ни к реализму, ни к конструктивизму, сочетая оба подхода в своих исследованиях. В совместно отредактированном ими сборнике, дважды изданном в Лондоне в 1994 и 2005 годах, под названием «Происхождение Холодной Войны. Международная история» уделяется существенное внимание влиянию, которое оказали политические и экономические системы двух супердержав на другие нации [Leffler, Painter, 2005. P. 1 – 2].

Можно по-разному оценить данную систематизацию, выработанную на Западе. Для российской историографии, возможно, лучше будет создать свою классификацию западных авторов и их взглядов, менее общую и более подробную.

Перейдем от краткого рассмотрения западной историографии к критике вышеуказанных школ, которая сегодня существует на Западе.

Профессор Лебоу выявляет несостоятельность ряда методологических подходов к изучению «холодной войны», либо полностью игнорирующих роль общества и общественных отношений в конфликте, либо рассматривающих взаимосвязь общества и истории чисто механистически. В статье «Социальная наука, история и Холодная Война: проводя связующую линию» Лебоу подвергает критике «чисто исторические» взгляды на «холодную войну», где объяснение причинно-следственных связей построено на каком-либо одном

положении. Называя такой подход нерепрезентативным, Нед Лебоу говорит о том, что «такие работы хороши на индивидуальном уровне анализа...» и лишь в том случае, если мы рассматриваем их в контексте подобных исследований, где изучаются другие аспекты «холодной войны». Нед Лебоу критикует Джона Льюиса Гэддиса, который «уверен, что биполярность, ядерное сдерживание и разделение Европы лежали в основе противостояния сверхдержав». Однако, когда речь идет о «группах, элите, бюрократии, массовых движениях, (то) влияние идей, структуру и институционализацию (общества) гораздо сложнее отследить» [Lebow, 2000. P. 114]. Отсюда вывод: прежде чем говорить о неких внешних проявлениях истории в виде противостояния сверхдержав, изначально нужно увидеть основу этих проявлений, которая предстает перед нами в виде обществ и социальных групп.

Нед Лебоу полностью отрицает возможность каких-либо теорий в международных отношениях и других проявлениях общественной жизни. Согласно Лебоу, нео-позитивистская методология совершенно неприемлема в изучении «холодной войны»: «Позитивизм в своих жестких и мягких формулировках утверждает, что реальность имеет объективную экзистенцию, независимую и стоящую вне языка и категорий, используемых для ее описания» [Lebow, 2000. P. 118]. Это, по мнению профессора, является серьезной слабостью такого подхода.

Принципиальная альтернатива позитивизму в изучении международных отношений – конструктивизм, который, по мнению Лебоу, присутствует в «интерпретаторских» подходах. Методология конструктивизма ставит перед собой задачу уяснить мотивацию действующих исторических деятелей и обществ, в которых они находились. Метод конструктивистов заключается в соотнесении рефлексии самих исторических деятелей с объяснением их поведения другими лицами, что часто сводит интерпретаторские теории к простому раскрытию мнения и мотивации того или иного политического деятеля времен «холодной войны» [Lebow, 2000. P. 119].

Так как целью интерпретаторских подходов является «понимание самих себя в индивидуальном и коллективном смысле», то, чем больше интерпретаций истории мы получаем, тем ближе мы к истине, согласно данной методологии. Именно это и является слабым местом данного взгляда на «холодную войну», по мнению Неда Лебоу, который не сомневается в качестве нарративного материала, приводимого интерпретаторскими школами, однако указывает на то, что подобные субъективные трактовки не

могут дать достоверных знаний о «социальном контексте событий» [Lebow, 2000. P. 119].

Как указывает исследователь, большая часть исследований по «холодной войне» на Западе относится к методологическому направлению реализма и нео-позитивизма, а среди историков заметно движение от методологии интерпретаторского подхода к нео-позитивизму. Автор указывает на определенный методологический тупик, в котором оказался Запад, иронически замечая, что это пессимистический взгляд и некоторые возможности для развития вышеуказанных подходов существуют, «если интерпретивизм (интерпретаторский подход) обратит внимание на политическую науку, а историки станут более самосознательными и опытными в своих исследовательских стратегиях...» [Lebow, 2000. P. 120].

Так профессор Лебоу обозначает определенные кризисные явления в западной методологии исследования «холодной войны». Выхода из данной ситуации автор статьи не предложил. На наш взгляд, причинами такого кризиса, предположительно, является тот факт, что на Западе отсутствует единое понимание того, что движет историей. Каждый раз за основу берется различная методология. И это, как указывает Нед Лебоу, затрудняет дискуссию между сторонниками тех или иных школ.

С позиции, уникальной для западной историографии, является работа доктора Ричарда Саулла, строящего свое исследование на критике существующих подходов и обращении к историческому материализму. Рассмотренные здесь работы Ричарда Саулла сделаны на стыке социологии, истории и теории международных отношений. В основе каждой из работ лежит идея первичности социальных отношений в историческом процессе. Это позволяет диалектически совместить объективные и субъективные факторы, приведшие к «холодной войне», и выстроить определенную логическую систему, дающую ключ к пониманию сути такого исторического явления, как «холодная война».

Доктор Ричард Саулл, исследователь в департаменте политики Лондонского университета королевы Мэри, сотрудничает с издательством Франка Кааса и занимается созданием междисциплинарной теории возникновения «холодной войны». Он относится к исследователям, изучающим «холодную войну» с точки зрения теорий международных отношений, но выступает с критикой конструктивизма и реализма,

привлекает возможности марксизма для преодоления недостатков данных подходов.

Подход доктора Саулла к проблеме возникновения «холодной войны» можно назвать социологическим. Ричард Саулл указывает на то, что в традиционных теориях международных отношений уникальность «холодной войны» преуменьшается, а определение ее сводится либо к конфликту двух супердержав (суперсил), либо к ядерной гонке [Saul, 2001. P. 1]. Историческая уникальность и социологическая специфичность – отличительные черты «холодной войны» как явления. И это предопределяет дальнейшее направление развития теории «холодной войны», разрабатываемой автором. Центральной мыслью Саулла является тот факт, что «холодная война» началась с социальной революции и ее начало датируется 1917 годом. «Государство, рожденное революцией и конституировавшее новые формы политических и международных отношений», породило, по мнению автора, и «холодную войну» [Saul, 2001. P. 1]. Таким образом, социальные корни данного явления являются первопричиной раскола мира на два полюса. При этом Вторая мировая война была важной вехой, внесшей изменения в систему международных отношений, но при этом она не стояла у истоков конфликта.

Доктор Саулл делает важный акцент на первичности общественных отношений, их объективности. Приход к власти большевиков и создание Советского государства привело к расколу в международных отношениях. Общество стало объективной движущей силой в данном процессе, так как, согласно логике Саулла, оно вышло на такие пути и формы существования, которые вступили в конфликт с капиталистическим миром.

Указывая на социальное устройство как на основную движущую силу конфликта, Саулл говорит о том, что ранее в теории международных отношений этот фактор принимался в расчет в недостаточном виде. Крушение СССР и «коллапс социальной системы» привел к прекращению «холодной войны», что само по себе указывает на ошибочность представлений о том, что возникновение и далее сама «холодная война» были обусловлены лишь деятельностью и характеристиками ее главных действующих лиц» [Saul, 2001. P. 2].

Подвергая критике все предыдущие теории международных отношений, Саулл указывает на преувеличенное в историографии «холодной войны» значение таких факторов, как идеология и

государственные интересы во внешней политике Советского Союза. Эти движущие силы исторического процесса нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, и тем более в отрыве от социального базиса, по мнению Сауллы [Saul, 2001. P. 2]. Рассматривая различные методологические подходы к «холодной войне», такие как «реалистичный, плюралистический и материалистический (марксистский) подходы», доктор Саулл всякий раз заостряет внимание на социальной стороне конфликта. «Сталинизм никогда напрямую не угрожал уничтожением капитализму и либеральной демократии на Западе. Это была критика послевоенного компромисса между капитализмом и социал-демократией ..., которая являлась величайшей угрозой социальной системе на Западе...» [Saul, 2001. P. 19]. Таким образом, Ричард Саулл выявляет вторичность политической и военной угрозы по отношению к конфликту общественных систем – капиталистической и социалистической.

Политическая, государственная мощь, по Сауллу, зависит от экономических возможностей, а организация экономики – от социальной системы. Так взаимоподчинены эти сферы, являющиеся движущими силами как «холодной войны», так и исторического процесса в целом.

Для социалистического лагеря «период «холодной войны» был попыткой реформировать нереформируемую систему. Каждая попытка реформы и дальнейшей либерализации политической системы (на примере Германской Демократической Республики в 1953, Венгрии и Польши в 1956, Чехословакии в 1968 и Польши между 1970 и 1980-ми) явно угрожала социальному базису политической власти» [Saul, 2001. P. 19]. Здесь Саулл ссылается на профессора Мэри Калдор из Лондонской школы экономической и политической науки.

В рамках капиталистической системы ограниченность ресурсов государства обуславливалась степенью вмешательства государства в либеральную экономику. Западный лагерь начал испытывать кризис с начала 1970-х годов, так как «консенсус, на котором строился послевоенный политический порядок с доминированием Соединенных Штатов, начал ломаться» [Saul, 2001. P. 20]. Соединенные Штаты, согласно Сауллу, начали потерю своего доминирующего статуса сразу после поражения во Вьетнаме и окончание этого процесса будет связано с потерей конвертируемости доллара. Ведь конвертируемость доллара позволила существенно раздвинуть рамки привлечения ресурсов и капитала и увеличивала конкурентоспособность

экономики США в период «холодной войны» по сравнению с экономикой СССР.

Однако картина движущих сил «холодной войны» не была бы полной, если рассматривать ее лишь в статике. Доктор Саулл, полемизируя с Мэри Калдор и с профессором Майклом Коксом из Лондонской школы экономической и политической науки, обращает внимание на переоценку роли социальных движений – диссидентского на Востоке и движения за мир на Западе. Автор говорит, что, несмотря на социальные корни «холодной войны», данные движения не являлись некими внутренними доминантами, сколько-нибудь определяющими характер конфликта. Их влияние, без сомнения, проявилось только в период окончания «холодной войны» и выразилось в ускорении изменений в политической системе на Востоке (распад Организации Варшавского договора) и привлечении внимания к общественным движениям на Западе. При этом данные движения не являлись первопричиной прекращения «холодной войны». Симметричность процессов в США и СССР, на которую указывала Калдор в своих научных трудах, по утверждению Саулла, перестала существовать в 1989 г. [Saull, 2001. P. 20-21].

Рассмотрев социально-экономические и политические аспекты «холодной войны», автор указывает, что данный конфликт – это противостояние двух различных социальных систем. Однако, если не принимать во внимание, например, геополитический фактор, невозможно объяснить остроту Карибского кризиса, который чуть было не уничтожил мир. Так, собственно, автор проверяет жизнеспособность и своей собственной теории, что заставляет его углубить формулировку самого понятия «холодная война», соотнеся свои мысли и критику с работами других историков.

Доктор Саулл обращается к работам Фреда Халлидея, принадлежащего к Лондонской школе экономической и политической науки. Фред Халлидэй, написавший введение к данной монографии Ричарда Саулла, указывает на значимый, по мнению Саулла, аспект – изменение характера военного противостояния с появлением ядерного оружия. В конечном итоге Саулл говорит, что «холодная война», «будучи конституированной двумя различными антагонистическими социальными системами, регулировалась измененной природой военно-стратегических сил» [Saull, 2001. P. 21].

В конечном итоге позиция доктора Сауллы выражается в систематизации природы конфликта и опоре на исторический материализм [Saul, 2001. P. 27]. Социальная природа конфликта рассматривается в тесной взаимосвязи с экономикой, затем государственной политикой, соотносится с движениями протеста, и наконец, рассмотрев все внутренние для СССР и США общественные аспекты, он выходит на те специфические геополитические и военно-политические внешние формы, в которых выражался конфликт. При этом, рассматривая историю «холодной войны» от генезиса до окончания противостояния, Ричард Саулл постоянно иллюстрирует взаимосвязь общества и исторического процесса.

В современной западной историографии «холодной войны» можно найти и другие работы, которые уделяют внимание общественному фактору в системе движущих сил конфликта. Например, это уже упомянутая в начале профессор Мэри Калдор. Однако работы Ричарда Сауллы отличает именно то, что он ставит общественные отношения в основу исследования.

Так могла бы выглядеть современная российская историография «холодной войны», если бы наша наука скоротечно не отказалась от марксистско-ленинской методологии после распада СССР. Даже и сегодня вряд ли кто-либо будет спорить с тем, что объектом истории является общество в прошлом. В таком случае и история «холодной войны» должна начинаться именно с изучения общества, его внутренней структуры, условий существования, а затем уже экономических, политических, личностных и международных компонентов.

При всем при этом вряд ли работы доктора Сауллы могут являться путеводной нитью для выхода из методологического кризиса, на который указывает Нед Лебоу. Дело в том, что пока многочисленные работы по «холодной войне», изданные на Западе, ориентированы в каких угодно методологических направлениях, но только не в направлении исторического материализма. По всей видимости, протестантская этика и уверенность в том, что сознание определяет бытие (как основа общества экономики и политики на Западе), являются внутренней преградой для внедрения противоположного подхода, где «бытие определяет сознание».

Очень тесная взаимосвязь исторической науки, политологии, теории международных отношений и социологии на Западе является существенным преимуществом для политической элиты Западе. Политики Западе получают возможность пользоваться историческими выводами в режиме реального времени. Однако такой заказ, с другой стороны, сковывает западную науку,

заставляя ее в первую очередь соответствовать ожиданиям заказчика, а не искать истину. Возможно, это также является причиной методологического кризиса и существенной политологической ориентированности западной историографии «холодной войны».

Можно сказать, что пока Запад плохо знает, как жил простой советский гражданин, как был устроен его быт и как это влияло на его сознание. Какие цели у него были в жизни, какие социальные связи и общественные институты определяли его существование. За пределами интересов большинства западных ученых остаются социальные группы советского общества, их взаимоотношения, интересы и потребности. Таким образом, европейские и американские историки «холодной войны» чаще подвергают изучению лишь внешнюю сторону конфликта и внешнюю сторону нашего общества, выражая ее в общих формулировках, подобных формулировкам Кеннана [Петелин, 2004. С. 14 – 18] в длинной телеграмме.

Между тем именно исторический, диалектический материализм как методология дает определенные возможности сегодня для расширения наших знаний о природе полувекового противостояния. Избавившись от идеологического догматизма, можно взять лучшее из этой системы познания с тем, чтобы иметь твердую почву и четкий, способный к усовершенствованию метод в изучении такой многофакторной и уникальной проблемы, как «холодная война».

Список литературы

1. *Gaddis John Lewis*. The Landscape of history How Historians Map the Pas. Oxford. 2002.
2. *Kaldor Mary*. New & old wars. Cambridge 2006.
3. *Lebow Ned* Social Science, History and the Cold War: Pushing the Conception Envelope// Reviewing the Cold War: approaches, interpretations, and theory. Edited by Odd Arne Westad. London 2000.
4. *Leffler Melvyn P., Painter David S.* Introduction: the international system and the origins of the Cold War// Origins of the Cold War. Abingdon, Oxon 2005.
5. *Lundestad Geir* East West North South. Major developments in international relations since 1945. Great Britian. Trowbridge 2005.
6. *Saull Richard* Rethinking theory and history in the cold war: The State Military Power and Social Revolution. London 2001.

7. Westad Odd Arne Introduction: Reviewing the Cold War//Reviewing the Cold War: approaches, interpretations, and theory. Edited by Odd Arne Westad. London 2000.

8. *Wohlforth William Curti*. The elusive balance: power and perceptions during the Cold War. N. Y. 1993.

9. Поверенный в делах в Советском Союзе (Кеннан) Государственному Секретарю. Секретно // Петелин Б. В. Холодная война 1945 – 1955 гг.: метод. рекомендации, документы и материалы. Вологда 2004.

10. *Эннио Ди Нольфо*. История международных отношений (1918 – 1999 гг.): в 2 т. М., 2003 // по Петелин Б. В. Холодная война 1945 – 1955 гг.: метод. рекоменд., документы и материалы. Вологда 2004.

УДК 94(4)

М. А. Сидоренко
*соискатель кафедры всеобщей
истории, историографии и источниковедения
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»*

СОЗДАНИЕ ДВОРА ЛЮДОВИКА XIV КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

В статье рассматриваются причины и предпосылки, которые привели к созданию придворного общества эпохи Людовика XIV как политического инструмента монархической власти при Старом порядке. Автором статьи высказывается мнение о том, что празднества и система строго регламентированного королем этикета – основные приемы, благодаря которым Королю-Солнце удалось решить одну из определяющих задач своего правления – «одомашнивание дворянства».

Ключевые слова: этикет, монарх, дворянство, политическая власть, Людовик XIV, Фронда.

В отечественной историографии придворное общество Старого порядка часто ассоциируется с общностью бездельников, десятилетиями не посещавших родовые поместья, предпочитая хозяйственным хлопотам прозябание в Версале в атмосфере нескончаемых интриг и праздных удовольствий. И как итог – окончательный разрыв благородного сословия с простолюдинами, ставший одной из причин взрыва 1789 года. «Двору Людовика XIV были присущи все пороки французской и европейской аристократии» [2, с. 50], – утверждает Ю. Борисов. О «развращенных нравах двора» [12, с. 14] и о «постепенном моральном упадке и деградации высшего общества» [12, с. 10] говорит Н. Сигал. «Теневую» сторону жизни двора – «извращенный разврат» [10, с. 37] – описывает автор «Века Людовика XIV» А. Савин (книга, написанная в 30-е годы XX в., не утратила актуальности и сегодня). С такой точкой зрения соглашаются и некоторые западные историки: Ф. Эрланже называет двор Людовика XIV «блестящим, распутным миром» [14, с. 197].

Но столь печальное положение вещей – сведение пребывания при дворе исключительно к праздности и безделью – скорее отвечает реалиям двух

последних предреволюционных царствований. Что до придворного общества Великого века, то насколько ему соответствует такое описание? Не являются ли эти слова чересчур обобщающими и карикатурными? Может, за всеми этими обличающими реалиями, которые имели место в определенные периоды правления Короля-Солнце, кроется то, что заслуживает более пристального внимания исследователя? Ведь к созданию своего двора Людовик XIV подошел не менее кропотливо и старательно, чем к строительству Версаля; придворную архитектуру эпохи барокко можно сравнить с такими произведениями искусства, как боскеты Ле Нотра, полотна Лебрена или строения Мансара. Ведь никакому другому монарху Европы не удалось создать столь совершенного и затейливого здания придворного общества, которое выполняло, прежде всего, политические функции. Даже Ф. Эрланже при своем критическом отношении к Людовику XIV говорит о политической значимости его двора. Серьезный шаг в этом направлении сделан немецким историком Н. Элиасом, который пишет об «уникальности» двора Людовика XIV [13, с 31]. Но и этот объемный труд, бесспорно заслуживающий самого пристального внимания, не является краеугольным камнем в изучении двора Людовика XIV: автор дает достаточно спорную оценку самого короля, во многом следуя сомнительным суждениям Сен-Симона. К тому же его внимание приковано лишь к версальскому периоду (1682 – 1715), когда уже окончательно сформировался этикет. Элиас почти ничего не говорит о нравах и об особенностях двора молодого Людовика. Равновесие устанавливают ведущие биографы Людовика XIV – Ф. Блюш, Ж. К. Птифис и О. Шален: в своих исследованиях они уделяют равное внимание как молодому двору с его большими празднествами и королевским балетом, так и позднему – времени Больших апартаментов и «Эсфири» Расина. Достаточно последовательно и кропотливо история придворного общества Великого века изучена и Ж. Ф. Сольноном, одним из самых авторитетных специалистов по придворному обществу Старого порядка. Но даже это не позволяет поставить точку в изучении этого вопроса и сказать, что дискуссия окончена.

В годы своего личного правления (1661–1715) Людовик Великий всегда уделял большое внимание «дворянскому вопросу» своей политической деятельности, естественно, наряду с другими. И одна из главных ошибок многих историков Старого порядка кроется в недооценке значимости этого направления во внутренней политике Людовика XIV и того, насколько

эффективно он был решен. Трудно не согласиться с тем, что при Людовике XIV создание строго регламентированной и регулируемой лишь им – монархом – системы двора было продиктовано политической необходимостью и являлось одним из главных пунктов программы правления этого монарха. Еще кардинал Ришелье писал Людовику XIII: «При условии, что каждый (дворянин – М. С.) будет находиться на своем месте, дела при Вашем дворе пойдут так, как Ваше Величество пожелает, и от одного этого зависит наведение порядка и во всем остальном» [9, с. 174].

Людовика XIV по праву считают одним из самых трудолюбивых монархов в европейской истории. «Я себе вменил в обязанность, как за должное, садиться за работу с регулярностью два раза в день, на два или три часа каждый раз с разными министрами или государственными секретарями, не считая часов, которые я провожу за работой один, ни времени, которое посвящаю срочным делам, если таковые неожиданно появляются» [16, р. 61], – пишет 23-летний Людовик. Он упоминает и о многочисленных встречах с иностранными послами. Король работает, словно исправный механизм, на протяжении всего своего правления. Если он болен, то принимает министров и государственных секретарей, лежа в постели; если выезжает на фронт – в своем шатре. А со смертью маркиза Лувуа (1691) протяженность рабочего времени короля увеличится еще на три часа. И так, по одиннадцать часов в сутки монарх, чей возраст перевалил за полувековую рубеж, работает до последних дней жизни, все чаще пренебрегая светскими развлечениями.

Но можно ли говорить, что этим монаршее ремесло ограничивается? Нет, и тем более, если речь идет о Людовике XIV: этот монарх отдавал ВСЮ свою жизнь без остатка и практически ВСЕ свое время государству, чей культ был для него превыше всего. «Король умирает, а государство будет жить всегда» [1, с. 712], – скажет Людовик XIV на смертном одре. Как эти слова диссонируют со знаменитыми «Государство – это я!», вложенными в его уста изобретательными потомками.

А как же тогда любовные похождения, Версаль, феерические празднества, балетные постановки, страсть к театру, балы, карточные игры, охота, военные парады, приемы пищи и многое другое, что тоже наполняло жизнь Людовика XIV? А ведь именно на этом историки чаще делают акцент, говоря о правлении Короля-Солнце. И они были бы правы, если бы придавали данному аспекту верное толкование. Вот он, один из ребусов

личности Людовика XIV, короля эпохи барокко, который нелегко разгадать человеку XXI в. Сегодня принято недооценивать экспансию французской культуры XVII в. в страны Европы, отдавая пальму первенства веку Просвещения. При этом забывается, что французская мода, танец, язык, литературы, архитектура, и особенно придворный образ жизни, становятся эталонными для остальных европейских стран именно при Людовике XIV. Получается, что признание французской придворной культуры осталось либо незамеченным, либо оценено как некое локальное явление, недостойное столь широкого внимания и сравнения с культурным рывком Просвещения. Между тем это доказывает лишь то, насколько далеки от современного сознания реалии придворного общества и их значение в контексте XVII столетия.

Король, которому сегодня отдают должное в умении прожигать жизнь, на самом деле, даже сидя в театре и смеясь над остротами господина Мольера, филигранно сочетал в тот момент развлечение с политикой. А ведь за двадцать лет до захвата власти Людовиком XIV (1661) Ришелье писал: «Чем талантливее человек, тем больше он ощущает возложенное на него бремя государственного управления» [9, с. 216]. В этой фразе хорошо отражен смысл многих деяний Людовика XIV, которые мы привыкли относить к чему угодно, только не к монаршему ремеслу. Между тем, находясь за пределами рабочего кабинета, король не менее исправно следовал своему предназначению. И двор служил ему не только сценой для эффектного явления миру собственной персоны, но и полем деятельности. «Одомашнить» дворянство – вот что нужно было Людовику XIV и вот чего он добился в результате многолетнего кропотливого труда.

Почему Людовику XIV был так необходим строгий контроль над дворянством? К чему надо было держать аристократов подле себя? Зачем тратить баснословные суммы на нужды двора и придворные праздники, возрождая традиции эпохи Возрождения и изобретая новые?

За ответами обратимся к событиям детства Людовика XIV: ведь появлению блистательного Короля-Солнце предшествовали испытания и страхи короля-мальчика, вызванные гражданской войной – Фрондой (1648 – 1653), одним из самых тяжелых кризисов французской монархии. В рамках данной статьи нет необходимости пересказывать все перипетии Фронды, подробно изложенные в трудах Губера, Дюлон и Малова.

Поговорим лишь о том, как они отразились на личности Людовика XIV, чему они его научили и чего заставили бояться. Прежде считаем важным обратить внимание на то, что юный Людовик не был безвольным свидетелем этой борьбы.

Арест кардинала де Реца 19 декабря 1652 г., например, был проведен при непосредственном участии короля. Людовик действовал практически в одиночку (Мазарини в изгнании), хотя он уже получил несколько наставлений от своего крестного. Этому итальянцу, проклинаемому всеми, король Франции обязан своим воспитанием (вопреки расхожему мнению о невежестве Людовика XIV, укоренившемуся в исторической литературе благодаря де Сен-Симону¹, этот принц получил одно из самых блестящих светских образований). «Ваше Величество не должны иметь ни малейшие угрызения совести, мирясь с людьми, причиняющими Вам зло... Вашим поведением не могут руководить ни ненависть, ни любовь, Вы должны помнить лишь о выгоде государства» [3, с. 311], – писал Мазарини своему крестнику в мае 1651 г. (Людовику нет и четырнадцати). «Кардинал де Рец должен был прибыть в Лувр, чтобы поприветствовать Короля и Королеву, – пишет м-м де Моттвиль. – Они уже отдали приказ арестовать кардинала, когда тот склонится в реверансе, приветствуя их... Два месяца Король и Королева ждали подходящего момента... Знаменитый мятежник сначала посетил маршала де Вильруа; затем он хотел пойти к Королю... Государь встретил кардинала в приемной у Королевы, своей матери... Он был приветлив с кардиналом и спросил его, видел ли тот Королеву? Кардинал де Рец сказал, что нет, на что Король любезно пригласил его следовать за ним и в то же время дал поручение Вилькье, капитану своей личной гвардии, арестовать кардинала, когда тот выйдет от Королевы: что и было исполнено в точности, как и задумывалось» [17, р. 795]. Так Людовик XIV мастерски обезвредил одного из самых опасных мятежников.

С охвостом Фронды король и кардинал боролись до 1661 г. Парламенты провинций и некоторые дворяне продолжали бунтовать. В марте 1655 г. воле

¹ Сен-Симон. Мемуары: полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Пер. с фр. Ю. Б. Корнеева / предисл. А. Д. Михайлова; сост. и коммент. А. П. Бондарева. – М.: Прогресс, 1991. – 520 с. (Мемуары и биографии). – Т. 2, 118 с.: «Он (Людовик XIV – М. С.) едва научился читать и писать и остался совершенным невеждой, не зная о родственных связях, состояниях, деятельности, происхождении знатных лиц, не зная законов и так ничего обо всем этом не узнав».

короля воспротивились парламентарии Парижа, дав Людовику XIV возможность преподать им урок. Кстати, это был не первый случай, когда юный Людовик показал свой характер: 31 марта 1652 г. ко двору прибыла делегация Парламента, чтобы представить королю ремонстрации против возвращения Мазарини. Возмущенный Людовик вырвал (!) из рук президента Немона бумагу и сказал, что дело будет обсуждено в Совете [5, с. 448]. В 1656 г. взбунтовался Анжер, до 1660 г. продолжаются волнения в Провансе, закончившиеся репрессиями по отношению к Марселю. Людовик XIV сам вершит правосудие, проявляя к мятежникам-южанам строгость и беспощадность. Желая усилить наказание, он приказал разрушить Королевские Врата, символ свободы Марселя.

А участие короля в военных кампаниях против войск мятежников! Без юного монарха, который умел влюблять в себя подданных, его армия, даже под командованием виконта де Тюренна и графа д'Аркура, наверняка не была бы столь успешной. Впервые Людовик XIV участвовал в сражении в апреле 1650 г. при осаде крепости Бельгард-Серр в Бургундии, кстати, мятежники сдались. «Король... явился в армию и устроил ей смотр. Эскадрон за эскадронам, батальон за батальоном проходили перед ним, – читаем о буднях юного Людовика в «Мемуарах мессира д'Артаньяна», – это длилось довольно долгое время; итак он оставался в седле в этот день с четырех часов утра до восьми часов вечера, лишь перекусив, не спешиваясь... Каждый восхищался его выносливостью» [6, с. 428]. Разве такое поведение не является доказательством того, что еще до 1661 г. Людовик XIV исправно выполнял свои обязанности (в силу возраста, конечно)?

Многие города открывают ворота перед полками Его Величества без боя или оказав незначительное сопротивление. «Нормандия приняла Короля с полной покорностью, и крепости герцога Лонгвиля капитулировали без всякого сопротивления; дижонский замок и Сен-Жан-де-Лон последовали примеру крепостей герцога Лонгвиля» [4, с. 340], – пишет Ларошфуко. И таких примеров немало: Мазарини «везет Короля под стены города Стене, дабы его присутствие равно придало храбрости как офицерам, так и солдатам. И на самом деле, это произвело чудесное действие» [6, с. 337].

«Дальнейший ход событий показал истинную картину непостоянства французов, – пишет Ришелье о месяцах, следовавших за смертью Генриха IV (14 мая 1610), – а также оборотную сторону так называемой верности знати, которая, как правило, ненарушима ими лишь при

соблюдении собственных интересов и которая словно флюгер поворачивается туда, откуда им светит выгода» [8, с. 94]. Во времена Фронды мотивы, которые двигали сынами и дочерьми (!) знатных родов, были те же. А самые высокопоставленные смутьяны, такие как Гастон Орлеанский или Конде, метили куда выше. Заветной целью первого был титул регента. Что до второго, то его роль в событиях Фронды расценивается как одна из самых неоднозначных страниц в истории Франции XVII века. Выступая против двора, Конде не выдвигал конкретных претензий на власть. Ненависть к Мазарини и чувство оскорбленного достоинства – вот главные аргументы его мятежа. Спросим себя: известен ли нам хоть один подобный пример в годы правления Людовика XIV или в последующие два царствования, чтобы какой-нибудь зарвавшийся принц своими действиями мог привести королевство к краю гибели? Нет. Не значит ли это, что Людовику XIV удалось-таки обуздать аристократию, оградив государство от внутренних смут на полтора столетия.

«Ужасные беспорядки царили во всем королевстве... мы вели внешнюю войну, в которой из-за этих раздоров Франция теряла тысячи и тысячи своих преимуществ; принц одной крови со мной и с таким великим именем встал во главе армии неприятеля; множество крамолы поселилось в государстве; еще и парламенты, вошедшие во вкус узурпированной власти; при моем дворе, где только создавалась видимость покорности, было больше смутьянов, представлявших угрозу для меня» [16, р. 51], – напишет впоследствии Людовик XIV. За годы Фронды он чуть ли не ежедневно был свидетелем того, как игнорируются и не исполняются приказы его матери, так на его плечи легли тяготы и испытания, не приличествующие ни королевскому сану, ни столь нежному возрасту.

Всем известно знаменитое бегство Людовика XIV, Анны Австрийской и Мазарини из Пале-Рояля ночью с 5 на 6 января 1649 г. Короля, который не поспал и трех часов, разбудили, в спешке одели и вывели во двор по темной лестнице. Король Франции покидал свою столицу, как ночной воришка, – тайком, боясь быть замеченным. Даже непопулярный среди своих подданных Генрих III выехал из мятежного Парижа в 1588 г. более достойным образом. В Сен-Жермене «Король, Королева и все придворные оказались без кроватей, без прислуги, без мебели, без белья и без всего того, что необходимо персонам королевской крови и всем остальным. По прибытию Королева должна была лечь в небольшую кровать, которую кардинал Мазарини привез

из Парижа» [17, р. 230]. Небольшие кровати были заготовлены для Людовика и его брата. Личные вещи короля привезли только через четыре дня. За ближайшие четыре года подобные неудобства станут привычными для юного монарха.

После подписания мира с Парламентом 18 августа 1649 г. Людовик XIV вернулся в столицу. «Все городские власти вышли навстречу королю к воротам Сен-Дени. В толпе смешались представители различных сословий, – вспоминает Великая мадмуазель. – Крики «Да здравствует король!» звучали непрерывно и толпы народа не унимались, настолько они были рады своему королю». [15, р. 126]. Но, как верно замечает де Рец, поверить этим «восторженным крикам» мог лишь «тот, кто любит обольщаться» [7, с. 226]. Не так давно король видел совсем иное: годом раньше Людовик XIV явился в Парламент верхом, с большой торжественностью, но «его появление не было встречено ни рукоплесканиями, ни даже обычными приветствиями» [7, с. 66]. Живой и пронизательный ум короля-отрока (чтобы там ни писал де Сен-Симон!) впитывает эти уроки, как губка.

Более серьезное испытание и унижение Людовику XIV предстояло пережить двумя годами позже. В ночь с 9 на 10 февраля 1651 г. парижане «схватились за оружие; у городских ворот была поставлена стража; не прошло и шести часов, как король и королева лишились возможности выехать из Парижа» [4, с. 381]. Анна Австрийская, желавшая вывезти короля, оказалась в плену. Парижане, прознавшие о планах двора (не без помощи Гастона Орлеанского и коадьютора), окружают Пале-Рояль, и тут королева, видя всю серьезность ситуации, приказывает открыть двери дворца и впустить горожан во внутренние покои (!). Пусть они увидят, что их король спит и не собирается уезжать. В эпоху барокко жизнь часто подчинялась театральным законам: эффектные жесты, словно подгляданные в трагедиях Корнеля или Расина, не раз изменяли ход истории. Например, поклон Марии-Антуанетты перед многотысячной толпой, заполонившей Мраморный двор Версальского замка.

Прямой угрозы Людовику XIV не было. Парижане всегда подчеркивали, что воюют не с королем, а с министром. Но не так давно от рук «верноподданных французов» пали Генрих III и Генрих IV. Получается, что не так уж и неприкосновенна персона Наихристианнейшего короля и находятся люди, способные для себя обосновать столь страшный грех. Окружив королевскую резиденцию, парижане УЖЕ позволили себе больше

дозволенного. «Королева... приказала провести их в спальню Короля, – пишет де Моттвиль. – Они окружили постель Короля, у которой были открыты занавеси. И тут любовь возобладала над разумом, в адрес Короля прозвучало тысяча благословлений. Парижане долгое время смотрели на то, как он спит, и все не могли им налюбоваться» [17, р. 627]. Моттвиль считает это свидетельством проявления «верноподданнических чувств» [17, р. 628]. Но окружить постель «спящего» монарха их заставило совершенно иное чувство – самосохранение. Каково же в этот момент Людовику XIV: лежать неподвижно с закрытыми глазами, когда на тебя смотрят десятки незнакомых людей?

А мятеж Конде и его дерзкое поведение по отношению к главному министру Людовика XIV, его матери (дважды Принц отказался приветствовать королеву) и к нему самому! 7 сентября 1651 г., в день объявления совершеннолетия Людовика XIV, когда король прибыл во Дворец правосудия объявить об окончании регентства, Конде на церемонию не является. Он послал письмо с извинениями, но глубоко оскорбленный король не стал его читать. На юридическом языке того времени дерзкое поведение Принца граничило с «оскорблением Его Величества». Конде бежит на юг, вступает в переговоры с Мадридом и цареубийцей Кромвелем, но апогеем его вероломства стал переход на сторону Испании до конца войны (1659). Мятеж Конде – пример того, насколько у грандов развязаны руки, насколько сильно до сих пор в них чувство независимости от короля. Ближайшие родственники монарха не были исключением.

2 июля 1652 г. войска Принца собрались под стенами Парижа в надежде на убежище, и тут Людовика предает его двоюродная сестра, дочь Гастона Орлеанского, герцогиня де Монпансье. Она приказывает гарнизону Бастилии стрелять из пушек по войскам короля. Был даже сделан залп по ставке, в которой находится Людовик. Но когда Принц бежал, король, войдя в столицу с триумфом, отправил кузину в ссылку.

Фронда показала, что за последние три века, когда Франция шла к абсолютной монархии, аристократы так и не научились подчиняться власти короля. И Людовик XIV захотел им преподать урок. И итог его политики – тысячи дворян, оставив в прошлом заговоры и бунты, заняты на полях сражений за своего короля и борьбой меж собой за честь держать свечу при его отходе ко сну. После таких результатов, эффективность которых сложно

не признать, вряд ли уместно говорить о «менее чем посредственном уме» [11, т. 2, с. 104] Людовика XIV.

Список литературы

1. *Блюш Ф.* Людовик XIV / пер. с фр. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
2. *Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991. 381 с.
3. *Губер П.* Мазарини / пер с фр. Л. Тарасенковой, О. Тарасенкова. М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. 512 с.
4. *Ларошфуко Ф де.* Максимы: мемуары. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 556 с.
5. *Малов В. Н.* Парламентская Фронда: Франция. 1643 – 1653. М.: Наука, 2009. 497 с.
6. Мемуары мессира д'Артаньяна: в 3 т. Т. 2. / пер. с фр. М. Поздняковой. М.: АНТАНТА Лтд, 1995. 448 с.
7. *Рец, кардинал де.* Мемуары. М.: Ладомир, 1997. 831 с.
8. *Ришелье А. Ж. де.* Мемуары / пер. с фр. Т. В. Чугуновой; предисл. и коммент. Е. А. Городилиной. М.: АСТ: ЛЮКС: Наш дом: L'Age d'Homme, 2005. 461 с.
9. *Ришелье, А.-Ж. дю Плесси, кардинал, герцог де.* Политическое завещание, или Принципы управления государством / пер. с фр. Л. А. Сифуровой.; общ. ред. Л. Л. Головина. М.: Ладомир, 2008. 496 с.
10. *Савин А. Н.* Век Людовика XIV. М.: Гос. изд-во, 1930. 248 с.
11. *Сен-Симон.* Мемуары: полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентства / пер. с фр. Ю. Б. Корнева; предисл. А. Д. Михайлова; сост. и коммент. А. П. Бондарева. М.: Прогресс, 1991. Т. 2. 520 с.
12. *Сигал Н. А.* Вступительная статья // Буало. Поэтическое искусство. М.: Художественная литература, 1957. 231 с.
13. *Элиас Н.* Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
14. *Эрланже Ф.* Эпоха дворов и королей. Этикет и нравы в 1558 – 1715 гг. / пер с англ. Т. В. Шестопаля. Смоленск: Русич, 2005. 288 с.
15. *Grande Mademoiselle.* Mémoires. Paris: Mercure de France, 2005. 716 p.
16. *Louis XIV.* Mémoires. Suivis de Manière de montrer les jardins de Versailles. Paris: Édition Tallandier, 2007. 353 p.
17. *Motteville, madame de.* Chronique de la Fronde. Paris: Mercure de France, 2003. 899 p.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Методология исследования личности в психологии

УДК 159.923

Е.К. Жердева*соискатель кафедры психологии личности**и специальной психологии**ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный**педагогический университет»*

АНАЛИЗ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье анализируется взаимосвязь концептов «личностная идентичность» и «акцентуации характера» в контексте проблемы адаптации акцентуированных старших подростков и юношей в постмодернистской культуре. Автором отмечается, что существует депривация потребности в определённости и стабильности формирующейся личности с акцентуациями характера и в условиях, когда онтогенетическая неопределённость подростка и юноши «накладывается» на экзистенциальную неопределённость современного российского социума, крайне затруднено становление личностной идентичности. Как показывает анализ, поиск «психологической опоры» в процессах идентификации, ведущих к становлению идентичности, у акцентуированных личностей периода ранней юности ориентирован на «индивидуальное-в-личности» (в противовес «социальному-в-личности»), а именно: на акцентуированные черты характера как наиболее устойчивую подструктуру личности. Таким образом, «Я» переживается данной категорией лиц как «акцентуированная идентичность».

Ключевые слова: личность, идентичность, психология, самоопределение.

Давая характеристику обществу постмодернизма, Н.В. Дмитриева с соавторами [12, с. 18 – 19] отмечают, что неотъемлемым компонентом современного социума без «критериев правильности общественных систем ценностей, положений, мнений, стратегий поведения, принятия решений» является такой феномен, как «изолированный индивидуум» (термин Z. Bauman'a), характерные психологические атрибуты которого – «онтологическая неуверенность», «экзистенциальный страх аннигиляции», «изоляция», «отчуждение», «слабое, фрагментированное эго». В условиях, когда «иррациональность мира возрастает» и «нет возможности опереться на «Супер-эго» вследствие разрушения «традиционных нравственных опор»

(Э.Фромм, Г.Маркузе), доминирующим становится «самосохранительное поведение» личности, что отмечается исследователями [1, с. 103; 22, с. 596, 600].

Поскольку условия конкретной культуры неизбежно накладывают отпечаток на формирование личностной идентичности, и прежде всего в аспекте того «измерения индивида», которое Э.Эриксон обозначил как «социальное Я» (по Малахову [14, с. 34]), то личностная идентичность *homo postmodernicus*'а представляет собой феномен, кардинально отличающийся от личностной идентичности как «традиционного» человека, так и человека модернистского общества [12].

Продолжая изучение особенностей личностной идентичности *homo postmodernicus*'а (что в традиции школы Н.В. Дмитриевой [12]), в настоящей статье мы делаем попытку ответить на вопрос: каковы «психологические опоры», служащие формированию личностной идентичности человека постмодернизма, если «социальное-в-личности» (Супер-эго, по Фрейду) в современной культуре испытывает депривацию «глубинной потребности в определённости и стабильности» [22]?

Особую остроту в этой связи поставленный вопрос приобретает в отношении старших подростков и юношей (16 – 22года), категории популяции, онтогенетически переживающей нормативный «психосоциальный мораторий», психологическое содержание которого, по Э.Эриксону, – поиск себя и своего места в мире [21]. Этот поиск как процесс обретения идентичности крайне затруднён в современном социуме, где релятивность, неопределённость и неустойчивость – основные экзистенциальные характеристики всех его уровней.

Если, согласно когнитивному психологу Г. Тэджфелу, социально-групповые категории трансформируются в категории самосознания личности (по Ядову [22, с. 594]) в процессе самоидентификации и социальная идентичность (*social me*, по Э.Эриксону, как социальное измерение личности) превалирует над индивидуальным (как измерением личности) в традиционном обществе или обществе модернистском, то в социуме постмодернизма процесс становления личностной идентичности приобретает иной характер. Доминанта процессов идентификации с «социальным-в-личности» перемещается на процессы идентификации с «индивидуальным-в-личности». Таким образом, самоидентификация, интегративное чувство личностной идентичности переживаются *homo postmodernicus*'ом как Я-уникальное, с

опорой на личностные качества, согласно Л.В.Бороздиной (по Короленко, Дмитриевой [10]), и/или иные индивидуально-личностные характеристики, в частности черты характера.

Так, О.С. Балыкина [1], изучая особенности социальной и личностной идентификации (процесс достижения состояния идентичности) в юношеском возрасте в форме self-attitudes (установок на себя, которые составляют структурную основу Я-концепции, тест «Двадцати высказываний» Куна и Макпартлэнда), приходит к выводу, что в наши дни личностная идентификация преобладает над социальной. А такой её критерий, как «индивидуально-личностные черты характера», весомо доминирует над остальными индивидуальными критериями (физическое Я, психические свойства, мировоззренческие черты, локус-контроль, стиль жизни), по которым исследовательницей изучалась личностная идентификация [1, с. 65].

О.С. Балыкина объясняет преобладание личностной идентификации над социальной следующим образом:

«Соотношение между социальной и личностной идентификацией в юношеском возрасте изменилось в пользу последней из-за неопределённости, которая наблюдается в обществе, несходства и противоборства групповых интересов, ограничения социальных связей, роста индивидуалистических устремлений, доминирования самосохранительного поведения» [1, с. 103].

Доминирование индивидуально-личностного критерия по шкале «Индивидуально-личностные черты характера» среди других критериев, по которым изучалась личностная идентичность, исследовательница объясняет актуализацией онтогенетических факторов: ростом самосознания в юношеском возрасте, реализацией потребности в самоанализе и адекватной самооценке [1, с. 78 – 79].

Полученные данные о доминировании «индивидуального-в-личности» (I, в отличие от Me) в процессе становления личностной идентичности как ярко выраженной особенности homo postmodernicus'a в раннем юношеском возрасте позволяют поставить вопрос о роли черт характера личности в процессах идентификации и становления личностной идентичности старших подростков и юношей, онтогенетическая неопределённость которых «накладывается» на экзистенциальную неопределённость всех уровней постмодернистского социума.

Реализация «глубинной потребности в определённости и стабильности» [22] ориентирует лиц раннего юношеского возраста на поиск прочной «психологической опоры» в пределах собственной структуры личности, а именно: на идентификацию «Я» с характером как наиболее неизменным личностным конструктом.

Согласно взглядам представителей психоанализа, характер понимается как устойчивая структура, сформированная «из определённых черт; постоянные черты представляют собой либо неизменные первоначальные импульсы, либо сублимацию их, либо вызванное ими реактивное образование» (З. Фрейд) (по Лоуэну [13, с. 564]).

А. Лоуэн, вслед за З. Фрейдом, подчёркивает устойчивость характера как личностного образования: «Черты характера – <...> аспекты единой структуры». «...Характер проявляет себя типичным паттерном поведения...». «Это устойчивый, застывший, или структурированный способ реагирования» [13, с. 564].

Момент стабильности характера как, в целом, способа связи личности с внешней и внутренней средой выделяет и О. Фенихел. Он считает, что «... привычные способы приспособления Я к внешнему миру, Оно и Сверх-Я, а также типичные сочетания этих способов между собой образуют характер» (по Лоуэну [13, с. 565]).

Современные отечественные исследователи, поддерживая психоаналитическую традицию, также определяют характер как устойчивую во времени психическую подструктуру.

Согласно специальной теории индивидуальности В.М. Русалова, характер является одним из компонентов трёхуровневой модели индивидуальности и определяется как «психосоциобиологически детерминированный адаптационный комплекс относительно устойчивых во времени согласованных черт, отражающих наиболее специфичные для индивида поведенческие и аффективные программы, интегрирующие личный опыт в процессе развития и социализации, преодолении экстремальных, стрессовых, психотравмирующих ситуаций» (по Маноловой [15, с. 74]).

С точки зрения С.Н. Морозюк, «в характере как системе типизированных форм поведения, сформировавшихся в онтогенезе под влиянием ближайшего социального окружения, проявляется тенденция к сохранению личности, её устойчивости, стабильности психических и

психофизиологических состояний, толерантность к возмущениям внешних и внутренних условий деятельности» [16, с.4].

Таким образом, существующие в психологической науке представления о характере как наиболее стабильной структуре личности служат объяснением установленного некоторыми современными исследованиями факта, что формирование личностной идентичности старших подростков и юношей происходит в плоскости отождествления «Я» с характером. Указанная особенность идентификации, по-видимому, позволяет в условиях постмодернистской культуры наиболее полно удовлетворять базисную потребность в определённости и стабильности личности, находящейся на кризисной стадии онтогенеза (16 – 22 года).

Критический период, по Э.Эриксону (который впервые ввёл в активный обиход мировой психологии понятие идентичности личности и задал определённые ракурсы изучения этого феномена), – это «период повышения уязвимости и возросших потенций идентичности, вследствие этого, онтологический источник возможного формирования хорошей или плохой приспособляемости» [21, с. 106]. Нам также представляется целесообразным, вслед за основоположником эго-психологии, рассматривать проблему личностной идентичности в ракурсе адаптации личности.

Это тем более важно, на наш взгляд, что проблема характера подростков и юношей в отечественной дифференциальной психологии на протяжении многих десятилетий решает такую острую проблему, как адаптация формирующейся личности с акцентуациями характера к различным условиям среды и жизнедеятельности. Дело в том, что подростки и юноши с заострёнными чертами характера традиционно рассматриваются как личности, «которым присуща готовность к особому, т.е. как к социально положительному, так и социально отрицательному развитию» [18, с. 107]. Но именно социально отрицательное развитие акцентуированных личностей и трудности их адаптации оказались в фокусе внимания подавляющего большинства исследований характера. Как показывает обзор отечественной и зарубежной литературы, множество исследователей независимо друг от друга обычно связывают с акцентуациями характера расстройства поведения (Леонгард, 1989; Ковалёв, 1979, 1995; Личко, 1983, 1999; Бойко, 2002, и др.) (по Егорову [7]). А как было показано выше, характер определяется рядом авторов именно через концепт «поведение» (В.М. Русалов, С.Н. Морозюк, и др.).

Таким образом, лежащая в плоскости адаптации проблема взаимосвязи личностной идентичности *homo postmodernicus*'а (от 16 до 22 лет) и характера, на наш взгляд, приобретает наибольшую актуальность, будучи рассмотрена как проблема взаимосвязи личностной идентичности современных старших подростков и юношей и акцентуаций характера. Тем более что, по данным К. Леонгарда (1989) и ряда солидарных с ним учёных [5, 7, 18, 19, 20], «в цивилизованном мире не меньше половины населения являются акцентуированными личностями» [18, с.77].

На сегодняшний день, можно утверждать, существуют единицы работ, специально посвящённых исследованию взаимосвязи личностной идентичности и акцентуированных черт характера. Среди них – исследования Л.А. Кириллова (1992), Л.А. Хашиной (1998), М.К. Омаровой (2001), В.П. Белянина (2007). Спецификой указанных работ является изучение отдельных аспектов персональной идентичности акцентуированных личностей в основном раннего юношеского возраста.

Так изучалось самосознание лиц с акцентуациями характера (Кириллов), самоопределение (Хашина), Я-концепция (Омарова), предикторы (признаки, или нарративы) личностной идентичности в текстах как проективных продуктах речевой деятельности лиц с акцентуациями характера. Однако ни в одной из работ термин «личностная идентичность» не используется. Имеется в виду только его содержание в отдельных аспектах, т.е. в работах явно присутствует лишь идея личностной идентичности.

Учитывая крайне низкую степень разработанности рассматриваемой нами проблемы взаимосвязи личностной идентичности и акцентуаций характера в психологии личности, в настоящей статье мы делаем попытку анализа обозначенной проблемы на основании всех имеющихся данных, прямо или косвенно относящихся к различным её аспектам.

Трудность анализа заключается не только в дефиците работ, предметом изучения которых является «личностная идентичность» как концепт в её взаимосвязи с концептом «акцентуации характера», но и аморфность в определении исследователями того феномена, для обозначения которого Э.Эриксон впервые ввёл в научный обиход понятие «идентичность личности».

Прежде всего, необходимо отметить, вслед за В.С. Малаховым, что «идентичность в эриксоновском смысле – это идентичность индивидуальная (она же личностная, она же персональная). Даже когда применительно к

индивиду ведут речь о социальной идентичности, имеют в виду особое *измерение индивида*, которое в (социальной и индивидуальной психологии) <...> обозначают как «социальное Я (social me)». «Этот концепт ни в коем случае нельзя смешивать с так называемой коллективной идентичностью» [14, с 34].

Э. Эриксон следующим образом определяет личностную идентичность: «Это конфигурация, которая возникает путём успешного эгосинтеза и ресинтеза в течение детства. Эта конфигурация постепенно объединяет конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли» (по Короленко, Дмитриевой [11, с. 14]).

Однако в различных исследованиях концепт «личностная идентичность» претерпевает трансформацию своего изначального, эриксонского, содержания, корректируется каждым автором сообразно целям и задачам исследования. В результате, как отмечает, в частности, В.С. Малахов, «термин «идентичность» основательно потеснил, а кое-где и полностью вытеснил привычные термины <...> «самосознание» и «самоопределение» [14, с 26]. А, по заключению Р.Б.Сапожниковой, концепт «идентичность» в контексте сегодняшних исследований имеет следующие значения, «а именно: самоопределение, самобытность, психофизиологическая целостность, непрерывность опыта, постоянство во времени <...>, психологическая определённость, тождественность <...>, самость как подлинность индивида, социокультурное соответствие, самопринадлежность, самореферентность, целостность, степень соответствия социальным категориям, модель различения «Я» и «не-Я», релевантность внутреннего опыта внешнему опыту (по Головиной [6, с. 175]).

На основании сложившейся в психологии личности неопределённой теоретической ситуации в отношении содержания концепта «личностная идентичность» мы можем говорить, что в анализируемых ниже работах концепты «самосознание», «Я-концепция», «самоопределение», «нарратив» в определённых аспектах синонимичны концепту «личностная идентичность».

Впервые попытка изучения индивидуально-типологических особенностей самосознания акцентуированных личностей была предпринята Л.А.Кирилловым [9] в рамках теории самосознания В.В. Столина. Автор рассматривает самосознание как центральный механизм саморегуляции

личности, знание особенностей которого необходимо для прогнозирования поведения и результатов деятельности. Фокус исследования самосознания – «рефлексивное Я» (функционирующее в форме диалога в «акцентуированном» сознании), которое может выступать либо мотивирующим потенциалом личности, либо системой внутренних преград на пути к её активности, в том числе в ситуациях жизненно важных выборов [9, с. 3]. Автор рассматривает «смысл Я» и самоотношение как основные образующие самосознания личности [9, с. 11].

Особенностью взаимосвязи изучаемых феноменов (самосознания и акцентуации характера) является детерминация, существо которой заключается в том, что «фактором, определяющим индивидуально-типологическую специфичность самосознания, рассматриваются акцентуации характера – чрезмерное усиление его отдельных черт, накладывающее свой отпечаток на всё поведение субъекта и приводящее к повышенной уязвимости в отношении определённых психогенных воздействий при хорошей или даже повышенной устойчивости к другим (Леонгард К., 1989; Личко А.Е., 1983)» [9, с. 4].

Способности и качества, отражённые в чертах характера, по Л.А.Кириллову, рассматриваются субъектом как условие самореализации (ресурс либо преграда на пути к достижению цели). «Смысл Я» (т.е. предельная единица самосознания) субъективно порождается как отношение к мотивам и целям релевантных их достижению качеств личности. А в зависимости от характера взаимодействия составляющих вектора «мотив – черта» самоотношение (компонент самосознания) приобретает позитивную, негативную или конфликтную модальность. При этом самоотношение выступает как эмоциональная составляющая «смысла Я», а результаты соотнесения собственного «Я» как совокупности черт и способностей к смыслообразующим мотивам фиксируются в сознании в форме «образа Я», который является когнитивной составляющей «смысла Я» [9, с. 10 – 11].

Исследователь представляет результаты изучения гипертимного, истероидного, сензитивного, психастенического и лабильного типов акцентуированных черт характера (согласно классификации А.Е. Личко) старших подростков 17 – 18 лет.

Наиболее существенно относящимися к исследуемой нами проблеме явились результаты, представленные Л.А.Кирилловым и касающиеся

когнитивного аспекта самосознания: «образ Я» имеет индивидуально-типологические различия в зависимости от типа акцентуации характера.

Гипертимные и истероидные типы осознают себя как «самоэффективные» в решении всех актуальных проблем и преодолении возникающих трудностей. Их «Я-в-будущем» – это «Я – успешный» (в плане создания семьи, овладения профессией, проведения досуга, общении).

Сензитивный, психастенический и лабильный типы акцентуированных личностей осознают себя как «неэффективные» в настоящем. Их «Я-в-будущем» описывается формулой «Я – неуспешный» в указанных выше сферах жизнедеятельности.

Несмотря на то что акцентуированные личности осознают себя через паттерны «достижения» (что репрезентирует собственно личностный смысл) и их «Я» идентифицируется с результатом решения проблем и преодоления трудностей («Я – самоэффективный, успешный»/ «Я самонеэффективный, неуспешный»), по нашему предположению, автором исследования подразумевается, что сначала происходит так называемая *предидентификация*. Это процесс отождествления «Я» с личностными качествами и способностями, отражёнными в устойчивых чертах характера. Такая трактовка позиции автора не противоречит логике исследования, поскольку оно методологически и методически нацелено на изучение именно личностного смысла, порождаемого «работой» «рефлексивного Я» в отношении дихотомии «мотив – черта». Одну из фаз этой работы закономерно может представлять именно процесс предидентификации «Я» со второй образующей («черта») указанной выше дихотомии.

Отмеченная нами «ступень» (предидентификация) на пути образования личностного смысла позволяет более детально проиллюстрировать механизм функционирования «рефлексивного Я» и сделать акцент на том теоретическом «моменте умолчания», который (наряду с объективно полученными в исследовании эмпирическими данными) позволил Л.А. Кириллову утверждать, что акцентуации характера – «один из влиятельных факторов, во многом определяющий устойчивое ядро самосознания личности» [9, с. 12].

Изучение персональной идентичности личностей с акцентуациями характера было продолжено в работе О.А.Хашиной [20]. Ссылаясь, в частности, на исследование Т.В.Снегирёвой (1988), О.А.Хашина делает допущение, что эриксоновская категория «психосоциальная идентичность»

личности может рассматриваться в качестве аналога понятия «самоопределение», так как, согласно предложенной трактовке Т.В. Снегирёвой, личностное самоопределение есть попытка ответить самому себе на вопрос «какой я, что я за человек?» [20, с. 25].

Объектом изучения в работе О.А.Хашиной является, в частности, личностное самоопределение старших подростков. Согласно автору, личностное самоопределение – это социально-психологический адаптационный механизм-регулятор конструктивного поведения и общения в актуальной социальной ситуации. Самоопределение выступает интегрирующим компонентом развития человека как личности, детерминантой социального созревания, поведения и деятельности. Самоопределение – сложный мыследеятельностный процесс и сложная внутриспсихическая деятельность, направленная на отработку идеи, выбор средств и способов её воплощения, соответствующих ценностным ориентациям и внутренним потребностям личности.

Образующими данного механизма являются: целеполагание; выбор идей и средств их воплощения; рефлексия ценностных ориентаций, потребностей, личностных качеств, возможностей и ситуаций; защиты, направленные на сохранение позитивного «образа Я» [20, с. 34, 45, 46, 71, 124].

Таким образом, в личностном самоопределении, которое, по О.А.Хашиной, является всегда конструктивным компонентом личности, отражены следующие самоидентификации: «Я – субъект», «Я адекватен ситуации», «Я – режиссёр своей жизни», «Я аутентичен самому себе», «Я – рефлекслирующий и саморефлекслирующий», «Я – позитивный» [20, с. 72 – 73]. Автором предполагается наличие двух состояний личности в отношении самоопределения: личность со сформированным самоопределением, т.е. адаптированная, либо с несформированным самоопределением, дезадаптированная. В последнем случае возникает необходимость формирования личностного самоопределения с целью социально-психологической адаптации.

Акцентуации характера понимаются автором, вслед за К. Леонгардом и А.Е. Личко, как крайние варианты нормы. О.А. Хашина придерживается точки зрения подавляющего большинства исследователей, что «акцентуации характера могут быть почвой, преморбидным фоном, предрасполагающим фактором для развития психогенных расстройств <... >, что является причиной социальной дезадаптации» [20, с. 42].

Согласно теоретической позиции исследователя, в личностное самоопределение концептуально включен рефлексивный компонент («саморефлексия») [20, с. 73]. Как нам представляется, именно благодаря этому компоненту и осуществляется взаимосвязь концептов «самоопределение» и «акцентуация характера». Психологическим содержанием этой взаимосвязи является осознание и оценивание «рефлексивным Я» личностных качеств, закреплённых в характерологических чертах [20, с. 84 – 92], способствующих или препятствующих сохранению указанных выше идентификаций «Я», которые репрезентируют одно из двух состояний акцентуированной личности: сформированности / несформированности её самоопределения, а следовательно, и социально-психологической адаптированности.

Результаты исследования были получены относительно гипертимного, циклоидного, паранойяльного, неустойчивого типов акцентуаций характера (по классификации А.Е. Личко). Благодаря коррекционной работе, в фокусе которой находился рефлексивный компонент («саморефлексия») личностного самоопределения, в частности: повысился уровень самосознания, позитивно изменено отношение к себе, самопринятие, конструктивно изменены формы поведения [20, с. 99]. В целом автор констатирует оптимизацию акцентуированных характерологических черт [20, с. 94].

Полученные О.А.Хашиной теоретические и эмпирические данные свидетельствуют о тесной взаимосвязи концептов «самоопределение» и «акцентуированные черты характера»; взаимосвязи, которая обусловлена способным к развитию рефлексивным компонентом личностного самоопределения.

Изучение персональной идентичности личностей с акцентуациями характера представлено как исследование индивидуально-типологических особенностей Я-концепции в работе М.К.Омаровой [17].

В качестве одного из факторов, определяющих индивидуально-типологические особенности Я-концепции в раннем юношеском возрасте (16 – 19 лет), М.К. Омарова полагает, что акцентуации характера – крайние варианты нормы, традиционно определяемые автором вслед за К.Леонгардом (1989) и А.Е. Личко (1983) [17, с. 4].

Я-концепцию М.К. Омарова трактует как структуру, содержание которой определяется содержанием её компонентов, таких как: 1) «образ

Я», или когнитивная составляющая, которая включает две подструктуры: «личное» и «публичное» самосознание (термины А. Фенистейна) [17, с. 49]; 2) самоотношение (эмоционально-ценностная составляющая самосознания, термин В.В.Столина, С.Р.Пантелеева, 1989) [17, с. 40].

Вслед за А.Фенистейном, М.К. Омарова понимает «личное» (private self-consciousness) самосознание как тенденцию индивида сосредоточивать своё внимание на внутренних событиях своего феноменального мира, на таких, доступ к которым имеет только он сам (телесные процессы, чувства, мысли, мотивы). Сущность «публичного» (public self-consciousness) самосознания заключается в том, что собственное «Я» рассматривается индивидом как социальный объект, т.е. внимание индивида направлено на общественные аспекты своего «Я», на которые субъект может смотреть как бы глазами другого. [17, с. 43 – 44, 86].

Авторское представление о «личном» и «публичном» самосознании может быть понято как описанное посредством концептов, релевантных эриксоновским: «индивидуальному Я» и «социальному Я» личности [17, с. 49].

Самоотношение трактуется автором, в частности вслед за В.В. Столиным, как специфическая активность субъекта в адрес своего «Я», состоящая в определённых внутренних действиях (и установках на эти действия), характеризующихся как эмоциональной спецификой, так и предметным содержанием самого действия [17, с. 79].

М.К. Омарова полагает, что в зависимости от акцентуации характера содержательные характеристики Я-концепции воплощаются в качественно различных структурных вариантах «образа Я» и самоотношения [17, с. 42].

Полученные исследователем данные свидетельствуют о наличии взаимосвязи структурно-содержательных характеристик Я-концепции и акцентуаций характера (гипертимной, лабильной, психастенической, шизоидной, эпилептоидной, а также некоторых смешанных типов, по классификации А.Е. Личко [17, с. 59]).

Особенностью этой взаимосвязи может являться идентификация «Я» с акцентуированными чертами характера, при этом содержание «образа Я» тождественно набору черт, который определяется типом акцентуации [17, с. 76 – 77, 104 – 105].

О наличии взаимосвязи структурно-содержательных характеристик и акцентуаций характера также, на наш взгляд, свидетельствуют данные, полученные относительно смешанных типов акцентуаций характера.

Исследователем выявлены заниженные показатели по шкалам «личного» и «публичного» самосознания у эпилептоидно-неустойчивого типа акцентуации характера (классификация А.Е. Личко), что, по мнению автора, обусловлено сниженной саморефлексией [17, с. 91, 106].

У лиц с лабильно-истероидной, гипертимно-неустойчивой, гипертимно-лабильной и гипертимной акцентуациями характера занижены показатели по шкале социальной тревожности, которая тесно связана с показателями самосознания [17, с. 89] и может свидетельствовать о том, что индивид склонен воспринимать собственное «Я» в большей мере как «социальное Я», нежели фокусироваться на своих индивидуальных аспектах. То есть «публичное» самосознание в данном случае доминирует над «личным».

Наоборот, у представителей с сенситивно-психастенической и психастенически-эпилептоидной акцентуациями характера завышены показатели по шкале социальной тревожности, что может говорить о доминировании «индивидуального Я» над «социальным Я» личности.

Таким образом, у представителей различных типов акцентуаций характера могут быть констатированы три варианта соотношения между индивидуальным и социальным в личности: «личное» доминирует над «публичным» самосознанием; «публичное» превалирует над «личным»; для субъекта в равной мере значимо (либо не значимо) осознавать себя как индивидуальностью, так и членом общества. Содержание «образа Я» при этом тождественно набору акцентуированных черт характера и варьирует в зависимости от типа акцентуации.

Итак, анализ представленных в работе М.К. Омаровой данных в ракурсе интересующего нас вопроса о возможных психологических основаниях, значимых для формирования личностной идентичности *homo postmodernicus*'а, позволяет говорить о том, что, действительно, идентификация «Я» человека постмодернизма с «индивидуальным-в-личности», в частности с акцентуированными чертами характера, может считаться таким основанием для формирования личностной идентичности *homo postmodernicus*'а.

К работам, объектом исследования которых является феномен личностной идентичности, справедливо, на наш взгляд, будет отнести

исследование В.П. Белянина [5]. Несмотря на то что автора интересуют предикторы (признаки) акцентуированных черт характера главным образом в художественных текстах, полагаем, что идея личностной идентичности нашла своё воплощение в исследовании в концепте «личностная история», или «нарратив» (от лат. *narrare* – рассказывать).

Художественный текст может быть понят как набор согласованных психолингвистических признаков, репрезентирующих историю личности с акцентуацией характера. В.П. Беляниным выделяются типы личностных историй в соответствии с типами акцентуаций характера (с опорой на классификации, главным образом К.Леонгарла и А.Е.Личко). Подобную интерпретацию данных В.П. Белянина, а именно: созданную исследователем классификацию художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте, под которой автор понимает «организующий центр текста, его направленность, квинтэссенцию смысла, выраженную преимущественно в его сюжете и предикатах» [5, с. 53], позволяет осуществить нарративный подход к идентичности в психологии личности [2].

В статье [8] нами была предпринята попытка трактовать типологию художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте (ЭСД) В.П.Белянина как типологию нарративов-идентичностей акцентуированных личностей. Считая излишним повторяться и приводить здесь всю ранее изложенную аргументацию в защиту принципиальной возможности подобной интерпретации, сошлёмся лишь на точку зрения Д. Макадамса., представителя нарративного подхода к личностной идентичности.

Д. Макадамс утверждает, что идентичность – это форма истории, содержащая в себе описание обстановки, различных сцен, персонажей, сюжет и главную тему. Идентичность должна сводить воедино различные аспекты Я таким образом, чтобы они, хотя и контрастирующие, могли бы быть осмысленно увязаны друг с другом в некой временной последовательности. Для Макадамса идентичность-нарратив – это определенное свойство человеческого самопонимания, способ организации самости. Макадамс считает также, что жизненные истории — это характеристики индивидуальных различий между людьми, как и черты личности, мотивация, интеллект и пр. (по Жердевой [8, с. 291 – 292]).

На основании исследований В.П. Белянина [3, 4, 5] можно полагать, что независимо от Д. Макадамса В. П. Белянин приходит к заключению о том, что классификация художественных текстов по ЭСД содержит характеристики

индивидуальных различий акцентуированных личностей, репрезентированных в типах текстов, релевантных типам акцентуаций.

В.П.Белянин [4] выделяет 15 типов текстов: «светлые» тексты, соответствующие мироощущению личности с паранойяльными чертами акцентуации; «весёлые» тексты, соответствующие мироощущению личности гипоманиакального склада; «тёмные» тексты, соответствующие мироощущению эпилептоидной личности; «печальные» тексты, отражающие мироощущение депрессивной личности; «красивые» тексты, отражающие мир личности демонстративной акцентуации; «сложные» тексты, в которых проявляется шизоидная акцентуация, а также некоторые виды «смещанных» текстов, отражающие различные сочетания акцентуированных черт личности.

Каждая схема-история, подробно описанная Беляниным как тип текста, релевантный определённой акцентуации, – это нарратив, заключающий в себе, согласно Макадамсу, «описание обстановки, различные сцены, персонажей, сюжет и главную тему» и представляющий собой «способ организации самости», или идентичности, акцентуированной личности.

Таким образом, благодаря трактовке психолингвистической типологии В.П. Белянина в свете нарративного подхода к личностной идентичности можно выявить взаимосвязь личностной идентичности как нарратива и акцентуации характера.

Особенностью данной взаимосвязи, по нашему предположению, является процесс идентификации «Я» акцентуированной личности с эмоционально-смысловой доминантой художественного текста, «квинтэссенцией его смысла, выраженной преимущественно в его сюжете и предикатах» [5, с. 53]. Метафорой, иллюстрирующей сказанное, может служить следующее пояснение: личность с акцентуированными чертами характера отражается в релевантном типе текста, как в зеркале, обнаруживая в нём собственные характерологические черты (личностные качества и присущие паттерны поведения).

Данное заключение имеет под собой теоретическое основание, а именно главный постулат теории ЭСД: «структуры художественного текста коррелируют со структурами акцентуированного сознания. Художественный текст в ряде случаев является результатом порождения акцентуированного (или психопатического) сознания». Другой важный для нас постулат также отмечает момент идентификации «Я» акцентуированной личности и ЭСД

художественного текста: «читатель имеет право на собственную интерпретацию смысла художественного текста. Эта интерпретация зависит не только от текста, но и от психологических особенностей читателя. Максимально адекватно читатель интерпретирует тексты, созданные на базе близких ему как личности психологических структур» [3, с.10].

Указанными постулатами делается акцент на принципиальном сходстве автора и реципиента художественного произведения по типу акцентуации характера. Более того, исследователь утверждает в своей монографии, что предпочтение читателем того или иного художественного произведения зависит от его типологического тождества с автором данного произведения.

Таким образом, процесс идентификации личностного «Я» акцентуированного автора и читателя с ЭСД релевантного художественного текста может лежать в основе формирования идентичности-нарратива *homo postmodernicus*'а.

По мнению Н.В.Дмитриевой с соавторами [11], в условиях постмодернистского кризиса идентичности, описываемого, согласно транскультуральной модели идентичности, как «эрозия спянного индивидуального self'a», как «насыщаемость self'a фрагментами психической структуры других людей», с которыми устанавливаются отношения, когда «одни проникающие в self фрагменты легко заменяются другими», «проблема самоидентификации особенно остра» [11, с. 380]. А, как было показано нами в статье [8], обращение к художественному тексту в целях поддержания наличного нарратива-идентичности или, в ряде случаев, его формирования путём идентификации с нарративом-типом релевантного текста представляется одним из продуктивных способов социально-психологической адаптации человека постмодернизма.

Резюме

В данной статье осуществлена попытка теоретического анализа взаимосвязи концепта «личностная идентичность» с концептом «акцентуации характера». Анализ исследуемой взаимосвязи проведён в контексте проблемы адаптации человека постмодернизма, главным образом старших подростков и юношей, онтогенетически переживающих период «психосоциального моратория» (Э.Эриксон), сущность которого – поиск себя и своего места в современном мире.

Обращение к научной литературе по интересующей нас проблематике выявило, что существуют лишь единицы работ, предмет изучения которых – взаимосвязь личностной идентичности и акцентуаций характера.

Спецификой теоретико-эмпирического изучения указанного выше предмета исследования является использование в работах синонимичных аналогов концепта «личностная идентичность», таких как «самосознание», «личностное самоопределение», «Я-концепция», «нарратив» в их взаимосвязи с концептом «акцентуации характера».

Выявлено психологическое содержание взаимосвязи самосознания, личностного самоопределения, Я-концепции и нарратива с акцентуациями характера.

В целом можно констатировать, что особенностью взаимосвязи концептов, релевантных «личностной идентичности», и концепта «акцентуации характера» является идентификация «Я» личности с акцентуированными чертами характера.

Доминирование идентификация «Я» с «индивидуальным-в-личности» в противовес идентификации «Я» с «социальным-в-личности», согласно современным исследованиям, является спецификой формирования личностной идентичности человека постмодернизма, психологической «опорой» его социально-психологической адаптации. Таким образом, «Я» переживается изучаемой категорией лиц как «акцентуированная идентичность».

Список литературы

1. *Балыкина О.С.* Особенности социальной и личностной идентификации в юношеском возрасте (в условиях вариативной системы образования) : дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004. 128 с.
2. *Барский Ф.И.* Представления об идентичности в рамках нарративного подхода // Мир психологии. – 2004. – № 2. – С. 67 – 77.
3. *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе: монография. М.: Тривола, 2000. 248 с.
4. *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: монография. М.: Генезис, 2006. 320 с.
5. *Белянин В. П.* Психолингвистические предикторы акцентуированных черт личности: дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2007. 216 с.
6. *Головина М.О.* Рефлексивно-ценностная детерминация идентичности личности: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2005. 164 с.
7. *Егоров А.Ю.* Расстройства поведения у подростков: клинико-психологические аспекты. СПб.: Речь, 2005. 436 с.

8. *Жердева Е.К.* Идентичность личности с акцентуациями характера как детерминанта субъектной активности в аспекте совладающего поведения // Социокультурные детерминанты и мотивационные основы развития личности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 80-летию доктора психологических наук, почётного профессора НГПУ В.Г.Леонтьева / под ред. Н.Я. Большуновой, О.А.Шамшиковой. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. 556 с.

9. *Кириллов Л.А.* Особенности самосознания лиц с акцентуациями характера: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992. 22 с.

10. *Короленко Ц.П.* Идентичность в норме и патологии. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2000. 245 с.

11. *Короленко Ц.П.* Идентичность: Развитие. Перенасыщенность. Бегство: монография. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2007. 472с.

12. *Короленко Ц.П.* Homo Postmodernicus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире: монография. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. 248 с.

13. *Лоуэн А.* Анализ характера // Психология и психоанализ характера: хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский дом «БАРАХ-М», 2007. 640 с.

14. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Идентичность: хрестоматия / сост. Л.Б.Шнейдер. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2003. 272 с.

15. *Манолова О.Н.* Темпераментальные основы характера: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 193 с.

16. *Морозюк С.Н.* Саногенная рефлексия как фактор оптимизации акцентуаций характера и повышения эффективности учебной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 382 с.

17. *Омарова М.К.* Связь структурно-содержательных характеристик Я-концепции с акцентуациями характера в раннем юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 164 с.

18. *Реан А.А.* Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 255 с.

19. *Фетискин Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 490 с.

20. *Хашина О.А.* Социально-психологическая коррекция акцентуаций характера путём формирования личностного самоопределения: дис. ... канд. психол. наук. Самара, 1998. 152 с.

21. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. В. Толстых. М.: Прогресс, 1997. 340 с.

22. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности // Психология самосознания: хрестоматия / под ред. Д.Я.Райгородского. Самара: Издательский дом «БАРАХ-М», 2007. 672 с.

УДК 316.3/.4+316.7

И.Г. Комиссарова
*соискатель кафедры управления образованием
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»*

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПИЧЕСКИХ ЧЕРТ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Занимаясь темой создания социологического портрета современной учащейся молодежи, в частности сибирского студенчества, автор работает над экспликацией понятий «социологический портрет», «социальный характер», выделением устойчивых типологических характеристик, присущих современному студенчеству как социальной группе, с помощью социологического и математико-статистического инструментария; над уточнением гипотез по данному научному направлению. В статье отражена проводимая соискателем работа по формированию объединенного динамического массива данных на основе опросов студентов за 2002 – 2009 гг. и социологическому анализу.

Ключевые слова: социологический портрет, социальная группа, статистика, студенчество, анкетирование.

Наше исследование посвящено созданию социологического портрета современного российского, в частности сибирского, студенчества и основано на социально-историческом анализе как предшествующих исследований по тематике социологического портрета и изучении студентов и студенчества в целом как определенной социальной группы, так и на статистических данных по высшему образованию, взятых из Российских статистических ежегодников, обобщении наблюдений сотрудников лаборатории социальных исследований НГПУ, на анкетных опросах 2002–2009 гг., выделении устойчивых типологических характеристик, присущих современному студенчеству с помощью социологического и математико-статистического инструментария². Работа по исследованию на данный

² Научные руководители Лаборатории социологических исследований НГПУ: в 2002 – 2004 гг. – д-р социол. наук Л.Г. Борисова, с 2004 г. – д-р социол. наук Е.Б. Мостовая. В разные годы в разработке и сборах анкетных данных, в том числе и в проведении электронных компьютерных опросов, совместно с автором статьи участвовали сотрудники лаборатории НГПУ и Института экономики СО РАН канд.социол.наук И.И. Харченко, ст.науч.сотрудник В.С. Костин.

момент находится на стадии математического анализа объединенного массива по опросам студентов и его социологического осмысления.

Согласно энциклопедическому словарю, слово «*портрет*» (фр. *portrait*) означает «изображение или описание человека или группы людей». Наряду с внешним сходством портрет призван запечатлеть духовный мир изображаемого человека (людей), а вместе с этим создать и типичный образ представителя определенной народности, класса, эпохи, культуры. «*Социальный портрет* – характеристика, описание поведения определенной группы людей, складывающегося под влиянием социально-экономических условий жизни общества».

Для портретирования социальных групп необходимо *выделение типических черт*. И только такие основные типические черты могут являться основанием для социального портрета. Как правило, в структуру социального портрета входят социальные, демографические, социально-психологические характеристики социальной группы.

В современной социологии «портретные» исследования проводятся во всем мире и в России довольно часто. И их основными результатами являются укрупненное типологическое описание и сопоставление, выявление сходства и различия используемых объектов, определение тенденций и т.д.

С целью определения типических черт студенчества нами была предпринята попытка проанализировать имеющиеся определения понятия «студенчество».

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова дает в своем определении слов «студент» и «студенчество» фундаментальный атрибутивный признак, присущий изучаемой нами группе людей. «*Студент* – учащийся высшего учебного заведения». «*Студенчество* – 1. Студенты; 2. Пребывание в высшем учебном заведении в качестве студента».

Так как при анализе определений изучаемого нами понятия выявилось, что разные источники и авторы рассматривали эту категорию соответственно времени исследования, с тех точек зрения и в том разрезе, который их интересовал, то с целью выявления типических черт мы отбираем из определений всё наиболее значимое.

В Большой советской энциклопедии по интересующему нас вопросу приведено следующее: «Студенчество как особая группа возникло в Европе в 12 в. одновременно с первыми университетами. Средневековое студенчество было крайне неоднородно как в социальном, так и в возрастном отношениях».

С развитием капитализма и повышением социальной значимости высшего образования роль Студенчества в жизни общества возрастает. Студенчество является не только источником пополнения квалифицированных кадров, *интеллигенции*, но и само составляет *довольно многочисленную и важную социальную группу*. Хотя высокая стоимость высшего образования и наличие целого ряда других социальных барьеров делали его доступным в большинстве случаев только для состоятельных слоев общества и само оно давало получившим его людям значительные привилегии, уже в 19 – начале 20 вв. Студенчество отличалось высокой политической активностью и играло заметную роль в общественной жизни. В. И. Ленин в 1903 писал, что Студенчество *«является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе. Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, – «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе»*. (Ленин В. И., Полн. собр. соч. 5-е изд.. Т. 7. С. 343).

Несмотря на различия своего социального происхождения и, следовательно, материальных возможностей, Студенчество связано общим видом деятельности и образует в этом смысле *определённую социально-профессиональную группу*. Общая деятельность в сочетании с территориальным сосредоточением порождает у Студенчества известную *общность интересов, групповое самосознание, специфическую субкультуру и образ жизни*, причём это дополняется и усиливается *возрастной однородностью*.

В Словаре по общественным наукам (Глоссарий.ру) Студенчество определено как *«социально-профессиональная группа, характеризующаяся уникальной общностью интересов, субкультурой и образом жизни при возрастной однородности (лат.Studens – усердно занимающийся)»*.

Ростовские социологи Б. Рубин и Ю. Колесников в книге «Студент глазами социолога», опубликованной в 1969 г., давали следующее определение: «Студенчество – это мобильная социальная группа, целью существования которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению высоких профессиональных и социальных ролей в материальном и духовном производстве». «Студенчество аккумулирует в различной степени особенные черты и свойства всех социальных групп общества. В этом смысле вуз является как бы «интегратором» этих свойств и черт, поэтому процесс формирования личности в вузе «повернут» в сторону социальной системы в целом» [8].

Другой исследователь, А.Н.Семашко, писал, что «было бы неправильным рассматривать студенчество лишь как состояние к подготовке и занятию статуса интеллигенции. Студенчество обладает всеми необходимыми характеристиками, достаточными для отнесения его к особой социальной группе, так как оно отвечает всем установившимся признакам». В подтверждение своих доводов Семашко приводит следующие признаки: выполнение в обществе определенных функций, объективность существования, однозначная детерминированность поведения членов групп, определенная целостность и самостоятельность по отношению к другим социальным группам, специфические социально-психологические черты и системы ценностей [9].

Т.В. Ищенко акцентировал внимание на том факте, что студенчество является составной частью такой общественной группы, как молодежь: «Студенчество – особая общественная группа общества, резерв интеллигенции – объединяет в своих рядах *молодых людей примерно одинакового возраста, образовательного уровня – представителей всех классов, социальных слоев и групп населения*» [3].

Исследователь Г.И. Герасимов определял: «Как социальная группа, студенчество является *объединением молодых людей* с определенными социально значимыми устремлениями и задачами. Вместе с тем студенчество, представляя собой специфическую группу учащейся молодежи, обладает присущими только ей особенностями. Социально значимой чертой студенчества является также *напряженный поиск смысла жизни, стремление к новым идеям и прогрессивным преобразованиям в обществе*. Эти стремления являются положительным фактором. Однако в силу недостаточности жизненного (социального) опыта, поверхностности в оценке ряда явлений жизни некоторые студенты от справедливой критики недостатков могут переходить к бездумному критицизму» [2].

В автореферате диссертации П.Г.Бороноева на соискание ученой степени кандидата социологических наук «Проявления девиантного поведения в среде студенческой молодежи в современных условиях» (на материалах Республики Бурятия, Улан-Удэ, 2007 г.) рассматриваются основные характеристики студенчества в условиях кардинальных изменений в политической, экономической, социокультурной сферах российского общества. На основе анализа научной литературы, посвященной исследованию студенчества, диссертант пришел к пониманию *студенчества как социально-демографической группы, представляющей собой потенциально значимую движущую силу развития социума, характеризующуюся подготовкой к выполнению функций сложного умственного труда*.

В результате из большого числа приводимых в нашей работе определений мы вычлением, на наш взгляд, наиболее устойчивые характерные особенности, присущие студенчеству. В рамках работы по более конкретному доказательному выявлению типологических черт социологического портрета современного студенчества мы проводим исследование, опирающееся на анализ имеющейся у нас и обнаруженной в научной литературе социологической информации.

В целях изучения студенчества как группы в качестве инструментария используются непосредственно социологическое исследование с помощью анкетирования студентов, а также статистические показатели, характеризующие современных студентов (их количество, половые, возрастные характеристики, все те твердые показатели, которые

фиксируются при приеме студентов в университеты и определены статистически).

Проблема состоит в том, что устойчивые характеристики в нашу переломную, переходную эпоху претерпевают радикальные изменения. И возникает необходимость установить критерии их типологической устойчивости, сравнить и понять, насколько характеристики того же студенчества изменились по сравнению с ранее существовавшими. По значениям индексов таких устойчивых характеристик рассмотреть, сравнить современное положение в различных вузах, где и насколько значения различаются и почему.

Доктор социологических наук Л.Г. Борисова, составляя анкеты опросов студентов, использовала следующие основные разделы показателей: социально-демографические характеристики, ценности и цели, отношение к образованию, учебе в учебном заведении, отношение к профессиональной деятельности, занятиям в дальнейшей жизни, самовосприятие и самооценка поведения, личностный рост, уровень творческой активности и самоактуализации.

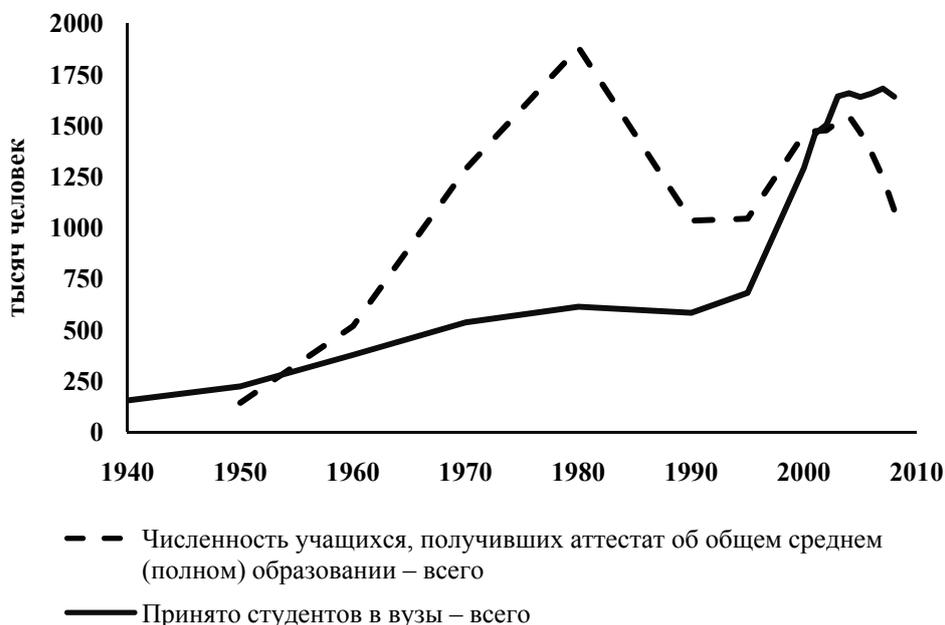
Анализируя их, можно уже определить наиболее конкретные черты социологического портрета студентов.

Тем не менее существуют проблемы более точного определения набора и уровня устойчивости портретных социологических характеристик.

В последние десятилетия студенчество в России превратилось в массовое молодежное сообщество из довольно элитарной группы. Если ранее студентом становился один из десяти выпускников средних школ, то теперь 7 – 8 человек из десяти, получающих школьный аттестат, становятся студентами высших учебных заведений. Одно это коренным образом меняет портретный облик студенческой группы и ставит новые задачи в сфере образования.

Эта динамика отчетливо отображена на диаграмме, построенной автором по данным Российского статистического ежегодника за 2009 г. На диаграмме 1 видно, что поступающих в вузы больше, чем выпускников. Поступают все желающие, получившие аттестат об общем среднем (полном) образовании, если у них имеется мотивация и упорство в достижении цели получения высшего образования.

Диаграмма 1

**Выпуск из среднеобразовательных учреждений –
поступление в вузы РФ.**

Раньше студентами становились наиболее способные молодые люди с сильной предварительной подготовкой. Студенчество представляло поэтому элитную группу. Сейчас студенчество обрело массовые характеристики. Для теперешних студентов характерна самая разноуровневая подготовка. Выбор учебного учреждения зачастую стал носить довольно случайный характер. Студенты теперь могут разговаривать не «высоким слогом». Отмечается и довольно сильная изначальная профессиональная дезориентированность, и очень разные мотивы обучения в вузе. Часто в процессе обучения они не столько получают профессиональные навыки и знания, сколько улучшают свои коммуникативные навыки в общении. В студенты идут, чтобы принадлежать к определенной когорте в молодые годы и в последующей жизни.

На характерные особенности студентов оказывают большое влияние также образование, статус и социальные ценности родителей и отношение к учебе и будущему их сверстников, нежелание оказаться без определенной профессии, пополнить ряды безработных...

Итак, рассмотрение студенчества с его специфическими особенностями представляет социальный и научный интерес в силу того, что студенты в настоящее время являются как наиболее активной, так и достаточно массовой

частью молодого населения, проходящей квалифицированную подготовку к последующей профессиональной деятельности.

С целью создания социологического портрета современного студенчества – выявления типичных для него устойчивых характерных особенностей, а также определения значимости и направлений их изменений в последнее время – автором создавался объединенный динамический массив по социологическим опросам студентов разных вузов Новосибирска за период 2002–2009 гг.

Ведущий сотрудник Института математики СО РАН Е.Е. Витяев в монографическом исследовании проблем извлечения знаний из компьютерных данных отмечает, что «проблема компьютерного познания является по существу междисциплинарной и требует хорошего знания одновременно многих областей знания: философии, логики и методологии науки, искусственного интеллекта, анализа данных, анализа человеческого процесса познания и др.» [1].

Опираясь на проделанную работу по анализу определений *студенчества*, а также статистические данные по высшему образованию и студентам, на наблюдения сотрудников Лаборатории социологических исследований НГПУ, на анкетные опросы за более чем пятилетний срок, проводимые среди студентов новосибирских вузов ежегодно, мы предварительно выделили гипотетически следующие устойчивые характеристики, присущие современному студенчеству: 1) характер труда студентов определяется систематическим накоплением, усвоением, овладением знаниями, основным занятием является образовательная деятельность; 2) возраст молодежный: 17 – 25 лет; 3) официальное семейное положение – бездетность, безбрачие; 4) основная часть студентов экономически зависит от родителей; 5) социальное происхождение студенчества смешанное, это выходцы из всех групп гражданского населения; 6) доминирование нормативной системы ценностей в смысле отсутствия (редкость) деструктивных девиаций; 7) доминирование созидательного типа активности; 8) в последние годы: распространенность творческих проявлений, сравнительно высокая по отношению к предшествующим периодам [10].

В итоге работы по социологическому портретированию современного студенчества мы надеемся более точно и доказательно выявить (подтвердить) типичные для этой общественной группы устойчивые характерные черты, а также динамику их изменений с течением времени, связанные с социальными изменениями в жизни российского общества, с целью дальнейшего осмысления тенденций

общественного развития, роли и места в нем студенческой молодежи, задач и перспектив, стоящих перед ней, а также динамики изменения ценностного сознания современной молодежи и студенчества как его авангардной составляющей.

В настоящее время мы провели первую серию итераций с использованием статистически-математических методов (номинальных переменных «каждый с каждым» и факторный анализ), применяемых в социологических исследованиях. Результатами анализа является список связей с оценками значимости и таблицы выявленных факторов. Автор занимается тщательным анализом полученных результатов, выводы по которым будут опубликованы в дальнейшем.

Список литературы

1. *Витяев Е.Е.* Извлечение знаний из данных. Компьютерное познание. Модели когнитивных процессов: монография. Новосибирск: НГУ, 2006.
2. *Герасимов Г.И.* Корпоративная ответственность в системе ценностей студенческой молодежи Дона и юга России. – http://www.kavkazonline.ru/csrip/elibrary/uro/uro_25/uro_25_06.htm
3. *Ищенко Т.В.* Место студенчества в социальной структуре общества. Томск, 1970.
4. *Комиссарова И.Г.* Определение устойчивых характеристик социологического портрета обучающихся // Педагогический профессионализм в современном образовании: материалы V Международной научно-практической конференции (18 – 21 февраля 2009 г., г. Новосибирск). Ч. 2 / под науч. ред. Е.В. Андриенко. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009.
5. *Лисовский В.Т.* Личность студента. Л., 1974.
6. *Лясников Н.* Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодежи. М., 2001.
7. Образование – фактор духовного и социального развития общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Борисовских чтений) / под науч. ред. Е.Б. Мостовой. Новосибирск, 2005.
8. *Рубин Б.* Студент глазами социолога. Ростов н/Д, 1969. С. 38.
9. *Семашко А. Н.* Художественные потребности студентов, пути и средства их формирования (социально-эстетическое исследование): автореф. дис. ... канд. наук. – Днепропетровск, 1969.
10. Социологическая индикация образовательных стратегий и характеристик ценностного сознания студентов и школьников: сб. науч. ст. / под ред. Е.Б. Мостовой. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Психолого-педагогические аспекты гендерного подхода в образовании

УДК 159.923+316.6

Р.П. Ляхов

аспирант кафедры общей психологии

и истории психологии

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный

педагогический университет»

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОСТИ У ДЕВУШЕК, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ И НЕ ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКУЮ ПРАКТИКУ

В статье рассматривается взаимосвязь между свойствами и уровнем субъектности и характером автобиографической практики. Особое внимание уделяется жизнетворческому аспекту субъектности – активному личностному отношению к жизни. Предлагается говорить об автобиографической практике как о сложном, интегрирующем различные стороны жизни рефлексивном опыте. Автобиографическая практика включает в себя все элементы самоописания, итогом которого является запечатление себя в текстовой форме. Представлены результаты пилотажного эксперимента.

Ключевые слова: субъект, автобиография, личность, статистика, тесты, анкетирование.

Отечественное психологическое знание на современном этапе развития характеризуется приверженностью к субъектной парадигме исследования различных сторон жизнедеятельности человека. Крупнейшие исследователи, работающие в субъектной парадигме, – А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, В.А. Барабанщиков, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, В.П. Зинченко, А.К. Осницкий, Е.А. Сергиенко, А.Н. Славская, В.И. Слободчиков и др. – так или иначе опираются на общие определения субъекта, данные С.Л. Рубинштейном: «Субъект – это сознательно действующее лицо, субъект как жизни вообще, так, в частности, и познания, осознания мира и самого себя как сознательного существа, осознающего мир» [8, с. 352]. Сложности современной жизни в полной мере способствуют принятию человеком ответственности и авторства в событиях жизни, а исследование психологии субъектности, бесспорно, актуально сегодня и в обозримом будущем.

Для нас наибольший интерес представляет жизнетворческий аспект субъектности, то, что выше мы обозначили как активное, авторское отношение к бытию. Жизненный путь личности, по выражению К.А. Абульхановой, «это способ ее жизни, это то, что способна выстроить, создать из своей жизни (с ее необходимостью) сама личность» [1, с. 277]. Отсюда закономерно возросший интерес исследователей и практиков к текстовому выражению личности (к языковой личности, в том числе к различным формам автобиографического творчества). Такие исследователи, как В.В. Нуркова, Е.Ю. Коржова, А.Ф. Василюк и проч., убедительно доказали огромный исследовательский и терапевтический потенциал автобиографии [4–5]. При этом под автобиографией возможно подразумевать не только «общепринятый канон» – письменный текст мемуарного характера, но и систему текстов традиционной и альтернативной формы: электронный текст, рисунки, фотографии, исповедь, путевые заметки, дневниковые записи, собственно автобиографии, сложные синтаксические фразы с употреблением личных местоимений, краткие или развернутые сюжетные рассказы о себе и т.д. В связи с изложенными аргументами мы считаем, что наиболее адекватным для обозначения предмета нашего исследования является понятие *автобиографическая практика*. Мы предлагаем говорить об *автобиографической практике как о сложном, интегрирующем различные стороны жизни рефлексивном опыте. Автобиографическая практика включает в себя все элементы самоописания, итогом которого является запечатление себя в текстовой форме*. Отметим, что понятие *практики* С.Л. Рубинштейн рассматривал как общепсихологический критерий субъекта познания [8]. Ученый, безусловно, имел в виду в первую очередь общественную практику, но и «экзистенциальная» практика (автобиографическая) основывается на тех же принципах – системность, повторяемость, познание и т.д. Проявляя субъектность в практике, человек способен преобразовывать бытие, быть ответчивым внешнему миру и самому себе, развивать свои лучшие качества.

Таким образом, *цель* исследования – выявление особенностей субъектности у девушек, осуществляющих и не осуществляющих автобиографическую практику. *Объект* исследования – *субъектность* как системное качество личности, понимаемое как проявление авторского отношения к жизненному пути как жизнетворчеству. *Предмет* исследования – *автобиографическая практика* как сложный, интегрирующий различные

стороны жизни рефлексивный опыт. *Гипотеза*: существует связь между уровнем и особенностями субъектности и характером автобиографической практики. *Ожидаемые результаты*: испытуемые, осуществляющие автобиографическую практику, рефлексивны, имеют высокий уровень интернальности, довольны собой, предпочитают преобразовательную-адаптивную жизненную позицию, широкий временной кругозор.

Методы исследования: В ходе пилотажного исследования применялись: 1) авторская анкета; 2) стандартные тестовые методики; 3) проективные методики. Расчет результатов проводился с помощью статистического анализа.

Описание и ход эксперимента

В качестве испытуемых выступили 28 студенток 1 – 3-го курсов НГПУ (возраст от 17 до 21 года), которым было предложено ответить на вопросы вводной анкеты, 8 тестовых методик и 2 проективных методик для выявления интересующих нас психологических параметров. Ниже мы подробнее остановимся на использованном инструментарии.

Основой для нашей вводной анкеты послужил текст анкеты «Ведете ли вы дневник?», предложенный учеными Института мировой литературы РАН для социологического опроса населения [2]. Мы переработали и дополнили ее содержание согласно логике исследования.

Вводная анкета

Инструкция. Перед вами анкета, направляющая наше исследование. Ответьте, пожалуйста, на ряд предложенных вопросов, следуя выделенным указаниям. Будьте искренними. Большое спасибо!

I

Если вы ответите «нет» на 1-й и 2-й вопросы, переходите к вопросам 7 и 8.

1. Ведете ли вы дневник? ДА НЕТ
2. Вели ли вы дневник в прошлом? ДА НЕТ
3. **Если да**, то скажите, когда возникла такая мысль (укажите примерный возраст)? Как вы думаете, почему?
4. В какой форме представлен ваш дневник, на бумажных листах или в электронном виде (свой блог или «Живой журнал» в Интернете)?

5. Перечитываете ли вы свои дневниковые записи? ДА НЕТ
6. Если да, то скажите, меняется ли ваше отношение к написанному или вы остаетесь с прежними мыслями и чувствами?
7. Вы никогда не вели дневника. И тем не менее, может быть, у вас были мысли или намерения это сделать? ДА НЕТ
8. Если да, то что вас удержало от этих мыслей или намерений?

II

Если вы ответили «нет» на 1-й вопрос, переходите к вопросам 6 и 7.

1. Пробовали ли вы сочинять свою автобиографию? ДА НЕТ
2. **Если да**, скажите, когда возникла такая мысль? Как вы думаете, почему?
3. В какой форме записана ваша автобиография: небольшое сочинение или подробное повествование; на бумажных листах или в электронном виде (страничка в Интернете)?
4. Перечитываете ли вы свои записи? ДА НЕТ
5. **Если да**, то скажите, насколько часто вы это делаете? Меняется ли что-то в вас (к примеру, отношение к себе, своему окружению)?
6. **Если нет**, скажите, появлялось ли желание «собраться с мыслями» и понять себя?
7. Если да, насколько часто появляется такое желание? В какие периоды жизни?

III

1. Любите ли вы фотографироваться? ДА НЕТ
2. Нравится ли вам подписывать фотографии и раскладывать их в альбом? ДА НЕТ
3. Часто ли вы показываете свои фото друзьям и близким? ДА НЕТ
4. Любите ли вы рассматривать свои старые фотографии (детские, школьные)?
ДА НЕТ
5. **Если да**, как часто вы это делаете? Какие чувства при этом возникают?

IV

1. Вы религиозный человек? ДА НЕТ

2. Если да: ходили ли вы на исповедь?

3. Если нет: когда у вас появляется желание выговориться, к кому вы обращаетесь? (нужное отметить).

Родственник близкий человек психолог случайный человек

4. Для всех: часто ли вас посещает желание поделиться своими переживаниями и мыслями с кем-нибудь? В какие моменты жизни?

Общий вопрос. Занимались ли вы последние 12 месяцев какой-нибудь формой творчества, связанного с письмом, для собственного удовольствия?

Из наиболее часто выделяемых исследователями критериев субъектности [7, с. 320] мы остановились на следующих: активность, саморазвитие, самосознание, источник познания и преобразования действительности, наличие личной истории и своего места в мире.

Для выявления этих параметров нами бы использованы следующие методики: «Личностный дифференциал», УСК, 16-факторный опросник Кеттела [3], ОСПЗС, ОЖО, «Психологическая автобиография»[4], «Метафора судьбы» [5], «Конструктивность мотивации» [6]. Обработка полученных данных производилась с помощью *U*-критерия Манна – Уитни и *H*-критерия Крускала – Уоллиса, в статистической программе *SPSS*.

Интерпретация результатов

В качестве критерия «наличие – отсутствие автобиографической практики», на данном этапе исследования мы остановились на ведении дневников. Анализируя ответы испытуемых на первую часть анкеты, мы посчитали обоснованным разделить их не на две экспериментальные группы, как планировалось ранее, а на три, с учетом приверженности к дневниковым записям: 1-я гр. – постоянное обращение к дневнику; 2-я гр. – временное (в трудный период жизни или периодическая запись своих мыслей/состояний и пр.); 3-я гр. – никогда не обращались к дневнику по убеждению или в силу других причин. Кроме этого, мы считаем, что подобное деление на группы позволяет более явно определить интересующие нас психологические параметры, т.к. приверженность к ведению дневника может свидетельствовать

о степени повторяемости автобиографической практики и соответственно актуализации различных личностных особенностей (или об уровне актуализации одних и тех же особенностей). Результаты статистического анализа представлены в таблицах 1 и 2. В силу небольшой выборки нам удалось выявить лишь некоторые существенные различия, а также характерные тенденции, которые, возможно, в последующем развитии эксперимента приобретут уровень значимых различий.

Из 28 опрошенных девушек 8 обозначили приверженность к постоянной автобиографической практике, 11 написали, что вели дневник, но сейчас перестали, 9 ответили отрицательно. Данное разделение позволило сформировать три экспериментальные группы: 1-я гр. – 8 чел.; 2-я гр. – 11 чел.; 3-я гр. – 9 чел. Результаты анализа представлены в следующих таблицах.

Таблица 1

Значимые статистические различия между выделенными группами по использованным методикам (Н-критерий Крускала – Уоллиса)

Наименование шкал	1-я гр.	2-я гр.	3-я гр.	Статистика Н-критерий	Уровень значимости $P < 0,05$
	Средний ранг				
Интеллект (Кеттел)	15,38	18,32	9,06	6,717	0,35
Подчиненность – доминантность (Кеттел)	18,06	10,14	16,67	5,422	0,66
Экстернально-объектная стратегия (КМ)	14,44	10,77	19,11	5,192	0,75
Общий показатель субъект-объектных ориентаций (ОЖО)	15,75	10,55	18,22	4,685	0,96
Трансситуационная подвижность (ОЖО)	17,50	10,41	16,83	4,737	0,94
Трансситуационное творчество (ОЖО)	14,13	10,86	19,28	5,358	0,69

Антиципация (ПА)	12,50	17,59	12,50	6,903	0,32
Соматический тип стратегии – ПТА (ОСПЗС)	11,38	18,64	12,22	5,138	0,77
Отношение к людям – ПУА (ОСПЗС)	8,50	15,64	18,44	6,798	0,33

Далее рассмотрим особенности каждой группы в отдельности.

1-я экспериментальная группа

Высокие показатели по «стратегическим» параметрам – субъектные ориентации, трансситуационные подвижность и творчество – говорят о достаточной вовлеченности в жизнь, интерес к своему «Я», к развитию и жизнотворчеству, способности принять ответственность за успехи и неудачи.

Таблица 2

Значимые статистические различия между выделенными группами по использованным методикам (U-критерий Манна – Уитни)

Наименование шкал	1-я гр.	2-я гр.	3-я гр.	Статистика U-критерий	Уровень значимости $P < 0,05$
	Средний ранг				
Интеллект (Кеттел)		13,64	6,67	15	0,07
Подчиненность – Доминантность (Кеттел)	13,25	7,64		18	0,28
Экстернально-объектная стратегия (КМ)		7,73	13,89	19	0,20
Интернально-объектная стратегия (КМ)	6,69		11,06	17,5	0,73
Трансситуационная подвижность (ОЖО)	12,69	8,05		22,5	0,67

Общий показатель субъект-объектных ориентаций (ОЖО)		7,86	13,72	20,5	0,26
Трансситуационное творчество (ОЖО)		7,82	13,78	2	0,22
Антиципация (ПА)		12,14	8,50	31,5	0,50
Соматический уровень – ПТА (ОСПЗС)	7,19	12,05		21,5	0,49
Отношение к людям – ПУА (ОСПЗС)	5,44		12,17	7,5	0,05

Преобладание доминантности и экстернально-объектной мотивации свидетельствуют о стремлении к соперничеству, приверженности одной идее, цели и т.д. (которую стараются привить и окружающим), для этого стараются получить статус в среде общения. С генеральной линией в общении связана и ситуативная ригидность мышления – переспорить, доказать, утвердиться. Поведенческие стратегии характеризуются дезадаптивностью или смешанностью (в трудной ситуации на телесном уровне) – низкая двигательная активность, злоупотребление удовольствиями (сном, едой, сексом и т.д.), соматизация стресса; в ситуации успеха преобладает дезадаптивное или смешанное отношение к людям – замкнутость, эгоцентризм, слабый стимул к дальнейшей деятельности, отрицательная идентификация с другими (возможно, приверженность к кумирам и полное копирование, растворение в объекте идентификации). В успехе и неудаче испытуемые данной группы чаще предпочитают «уход», глубокое переживание ситуации. Слабую антиципацию мы связываем не только с тревожностью за будущее, но и с желанием получить многое «здесь-и-сейчас».

3-я экспериментальная группа

Теоретически мы предполагали испытуемых 3-й группы как антиподов 1-й группы, но наличные данные говорят о схожести представительниц двух групп практически по всем параметрам. Однако различия, которые удалось выявить, свидетельствуют, скорее, о формальной схожести.

В «стратегическом» плане мы видим все ту же заинтересованность жизнью, стремление к новому, к общению, движению (показатель жизнотворчества у этой группы самый высокий), внимание к субъективным переживаниям и развитию; желание соперничества, независимость, стремление диктовать моду, утверждаться, подчиненность интеллекта (самый низкий показатель) «генеральной» направленности. При этом есть небольшое, но важное, на наш взгляд, различие в стратегии мотивации. Испытуемые третьей группы частично показали предпочтение *интернально-объектной* стратегии (см. табл.), она характеризуется как стремление к согласию и сотрудничеству, гармонизации отношения и достижения. Сопоставив эту особенность с высоким показателем социальной адаптивности поведения в ситуациях, приносящих удовлетворение (табл. 1, 2), мы можем говорить о наличии высокого социального интеллекта. В крайних проявлениях это образ «дельца», «тусовщика», режиссера отношений чужих и собственных. В отличие от представительниц 1-й группы, данные испытуемые для достижения цели больше способны на уступчивость и согласие в нужный момент или к манипуляции. Неудачи, несмотря на предпочтение смешанного и дезадаптивного поведения, переживаются ими сравнительно легче. Слабая антиципация может быть связана с «открытостью опыту настоящего», т.е. стремлением жить здесь и сейчас.

2-я экспериментальная группа

Отличие от 1-й и 3-й групп по трем «стратегическим» показателям говорит о более осторожном отношении к жизни – созерцательность, «объектность». Меньше круг значимых переживаний, нежелание изменений, слабая вовлеченность в жизнотворчество. Как следствие этого – сильное неприятие экстернально-объектной мотивации: отсутствуют дух соперничества, желание самоутвердиться во внешнем, «идейность», доминирование. Склонность к подчиненности и социально-адаптивное поведение, приверженность к абстракциям и сильная антиципация могут означать установку на планомерное, спокойное развитие, мечтательность, философствование. Соматическую адаптивность можно связать с высокой саморегуляцией переживаний. Характеристика испытуемых этой группы очень схожа с выделяемым Е.Ю. Коржовой типом жизненной ориентации «гармонизатор», при этом

достижение согласия с внешним миром происходит за счет самих гармонизаторов.

В целом всем трем группам в разной степени присущи выделенные нами критерии субъектности, о чем свидетельствует и данные проективной методики «Метафора судьбы». На данном этапе исследования нам не удалось выявить характерных различий в рисунках по обозначенным группам, однако отметим, что большинство участниц тестирования метафорически изобразили рост, изменения, движение времени (растительная тематика, изображение явлений природы и т.п.); характерными для рисунков были также «космические мотивы», что свидетельствует о стремлении осознать связь с миром и свое место в нем. Жизнетворчество осуществляется у девушек 1-й и 3-й групп преимущественно во внешнем плане, у девушек 2-й группы – во внутреннем. Ожидаемые результаты и полученные совпали лишь частично: девушки, постоянно обращающиеся к своим дневникам, рефлексивны, предпочитают преобразовательную-адаптивную жизненную стратегию, при этом не следуют ей на практике, поэтому высока вероятность внутреннего конфликта (недовольство собой), временной кругозор узок, интересы сконцентрированы в настоящем.

Обобщая наличные данные, мы можем говорить о том, что наша рабочая гипотеза подтвердилась – существует связь между уровнем и особенностями субъектности и характером автобиографической практики. Однако во многом осталась неясной внутренняя связь между ведением дневника и проявлениями субъектности – стимулирует ли их автобиографическая практика или является формой адаптации к внешним и внутренним изменениям в жизни человека.

Таким образом, мы видим сложность и неоднозначность изучаемой проблемы. Результаты пилотажного эксперимента дают нам основание для включения в исследование дополнительных методик.

Список литературы

1. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001.
2. Автобиографическая практика в России и во Франции / Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН; под ред. К. Вьолле, Е. Гречановой. М.: ИМЛИ, 2006.
3. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2008.

4. *Коржова Е. Ю.* Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена: СОЮЗ, 2002.

5. *Нуркова В. В.* Свершенное продолжается. Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.

6. Практикум по возрастной психологии: учеб. пособие / под ред. Л. А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002.

7. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: ПЕРСЭ, 2002.

8. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. (Серия «Мастера психологии»).

УДК 159.922.1+159.923

Н.Р. Стрельникова

аспирант кафедры общей психологии

и истории психологии

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный

педагогический университет»

ОТНОШЕНИЕ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, К БЕРЕМЕННОСТИ И ДЕТЯМ

В статье дан анализ личностных особенностей и ценностей ВИЧ-инфицированных молодых женщин, находящихся в местах лишения свободы. Описаны результаты диагностики ценностей, отношение к материнству и детям, сформулированы рекомендации по оказанию психологической помощи.

Ключевые слова: ВИЧ, эгоцентрические ценности, наркомания, места заключения, дети.

Исследование молодых ВИЧ-инфицированных женщин в возрасте от 18 до 43 лет, находящихся в местах социальной изоляции, осуществлено на базе ФБУ ИК-9 ГУФСИН России по Новосибирской области. Из 100 % осуждённых ВИЧ-инфицированных женщин, находящихся на момент проведения научно-исследовательской работы в ИК-9, привлечены к исследованию около 25 % . Выборка состояла из 30 женщин, средний возраст которых составил около 28 лет. Из них 56.7% (17 чел.) не имеют детей, у 26.7% (8 чел.) по одному ребёнку от 4 до 14 лет, у 13.3% (4 чел.) по двое детей в возрасте от 4 до 10 лет. Дети умерли у 6.7% (2 чел.), есть внуки у 3.3% (1 чел.). Отказались от ребёнка 3.3% (1 чел.). В настоящее время дети находятся в детском доме у 6.7% (2 чел.), с родственниками – у 36.7% (11 чел.). Были беременны однократно 26.7% (8 чел.), никогда не были беременны 30% (9 чел.), были беременны более 1 раза 36.7% (11 чел.). Из них сохранено и выношено 56.7% (17) беременностей, при этом у 3.3% (1 чел.) ребёнок умер в первые сутки после родов, 3.3% (1 чел.) отказались от ребёнка сразу после родов, у 3.3% (1 чел.) ребёнок умер в возрасте 8 лет, 3.3% (1 чел.) продолжали употреблять наркотики во время беременности и у 3.3% (1 чел.) ребёнок родился ВИЧ-инфицированным. Прерывание беременности на позднем сроке было у 6.7% (2 чел.) из опрошенных, причём у 3.3% (1 чел.) – по

медицинским показаниям, вследствие употребления наркотиков, у 3.3% (1 чел.) прерывание было связано с нежелательной беременностью. Выкидышем закончились обе беременности у 3.3% (1 чел.) из опрошенных женщин также вследствие употребления наркотиков. Кроме того, 18 беременностей были прерваны путём медицинского аборта, как нежеланные у 40% (12 чел.) из опрошенных осуждённых женщин, причём 16.7% (5 чел.) неоднократно прибегали к этой операции.

Замужем 6.7% (2 чел.), но отношения не поддерживают. Сожительствоваляли 20% (6 чел.) опрошенных женщин, но 50% (3 чел.) из них на данный момент не поддерживают отношений. Вдовами являются 6.7% (2 чел.), их мужья умерли от наркотической зависимости. Не замужем 73,3 % (22 чел.) женщин, причём 13,3% (4 чел.) из них разведены. Частая смена половых партнёров отмечена у 16.7% (5 чел.).

Хочется заметить, что лишь 6.7% (2 чел.) из общего количества опрошенных женщин не являются наркотически зависимыми, они никогда не употребляли и не пробовали наркотики. Употребляли наркотики от 6 месяцев до трёх лет включительно 30% (10 чел.), от трёх лет и до десяти включительно – 36.7% (11 чел.), более десяти лет – 23.3% (7 чел.). Злоупотребляли алкоголем – 6.7% (2 чел.). Курят 100% испытуемых.

Были осуждены на срок менее трёх лет 20% (6 чел.) испытуемых, осуждены на срок более трёх лет 80% (24 чел.) опрошенных. Большинство из них, а именно 76.7% (23 чел.), осуждены по 228 статье за хранение и сбыт наркотических средств. Осуждены более чем по одной статье 26.7% (8 чел.). Ранее не судимы 43.3% (13 чел.), ранее неоднократно судимы 20% (6 чел.), судимы ранее по 228 статье 20% (6 чел.).

Давали заведомо ложные сведения о себе 13.3% (4 чел.), правдивые – 53.3% (16 чел.), пытались что-либо скрыть 30% (9 чел.), старались приукрасить сведения о себе – 13.3% (4 чел.).

Свою вину признали полностью лишь 10% (3 чел.) испытуемых, частично – 46.7% (14 чел.), не признали вины – 43.3% (13 чел.).

Исследование при помощи методики «Тест отношений беременной» дало неожиданные результаты. Оптимальный тип психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД) преобладает у 50 % (15 чел.) испытуемых со средним баллом 14, что говорит о том, что и ВИЧ-инфицированные молодые женщины, находящиеся в местах лишения свободы, психологически готовы иметь детей. Также было выявлено у 36.6%

(11 чел.) испытуемых преобладание эйфорического типа ПКГД со средним баллом 14, что является неблагоприятным признаком и указывает на нереалистичные, идеализированные представления женщин о беременности и родах и необходимость проведения разъяснительной работы с ними. Внушает оптимизм и тот факт, что совершенно не выявлено у женщин преобладание ПКГД по депрессивному типу, а также низкий процент выявления по таким неблагоприятным признакам, как гипогестогнозический – 6.7% (2 чел.) со средним баллом 16; тревожный – 3.3% (1 чел.) – 14 баллов и смешанный (оптимальный+эйфорический) – 3.3% (1 чел.) – 9 баллов.

По методике ТИПС (тест измерения психических свойств) нами были получены следующие данные:

- Тревожность – средний балл около 6.5 стенов.
3ст. выявлено у 3.3% (1 чел.), 4ст. – 20% (6 чел.), 5ст. – 6.7% (2 чел.), 6ст. – 20% (6 чел.), 7ст. – 13.3% (4 чел.), 8ст. – 13.3% (4 чел.), 9ст. – 23.3% (7 чел.).
- Фрустрация – средний балл около 6.4 стенов.
1ст. – 3.3% (1 чел.), 2ст. – 3.3% (1 чел.), 3ст. – 3.3% (1 чел.), 4ст. – 16.7% (5 чел.), 5ст. – 3.3% (1 чел.), 6ст. – 20% (6 чел.), 7ст. – 16.7% (5 чел.), 8ст. – 6.7% (2 чел.), 9ст. – 20% (6 чел.), 10ст. – 6.7% (2 чел.).
- Агрессивность – средний балл около 5.5 стенов.
1ст. – 3.3% (1 чел.), 2 ст. – 3.3% (1 чел.), 3ст. – 6.7% (2 чел.), 4ст. – 13.3% (4 чел.), 5ст. – 26.7% (8 чел.), 6ст. – 16.7% (5 чел.), 7ст. – 16.7% (5 чел.), 8ст. – 0 %, 9ст. – 13.3% (4 чел.).
- Ригидность – средний балл около 6.2 стенов.
4ст. – 16.7% (5 чел.), 5ст. – 23.3% (7 чел.), 6ст. – 13.3% (4 чел.), 7ст. – 30% (9 чел.), 8ст. – 10% (3 чел.), 9ст. – 3.3% (1 чел.), 10ст. – 3.3% (1 чел.).

Эти данные свидетельствуют о достаточно высоких относительно нормы показателях тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности, что может быть обусловлено состоянием болезни и лишения свободы, но может свидетельствовать и об устойчивых личностных особенностях, приведших к нынешнему состоянию.

По методике «Диагностика уровня алекситимии» были получены следующие результаты: средний балл по выборке равен 67 (на уровне нормы). В то же время к алекситимическому типу личности относится 36.7% (11 чел.) от общего количества. Близки к алекситимическому типу личности с показателем 70 баллов 6.7% (2 чел.) испытуемых. От 80 и до 86 баллов у 16.7% (5 чел.) испытуемых. Минимальный показатель уровня алекситимии

составил 50 баллов, максимальный – 86 баллов. Таким образом, в выборке относительно нормы достаточно много представителей алекситимичного типа.

По методике Н.Я. Большуновой «Четыре вопроса», направленной на выявление определяющих, жизненно важных ценностей, нами были получены результаты, указывающие на то, что большая часть испытуемых в первую очередь обозначает эгоцентрические ценности. Так, пожелали что-то для себя и только для своих близких (вопрос четвертый: «Что бы Вы сделали, если бы вы были волшебницей?») 80% (24 чел.) женщин, для всех – 13.3% (4 чел.), дали уклончивый ответ 6.7% (2 чел.) осуждённых.

Мы имели возможность сопоставить полученные на данной выборке результаты с данными выборки из 30 молодых просоциально ориентированных женщин. Сопоставление ценностей этих двух групп свидетельствует о существовании различий в системе ценностей просоциально и асоциально ориентированных женщин по ряду параметров.

В ответах на первый вопрос («Что Вы больше всего цените в жизни?») получены значимые различия по следующим параметрам: «свободу» (0.05), «сына (дочь), детей» (0.05) чаще выбирают осуждённые женщины, тогда как «честность» (0.05) – просоциально ориентированные женщины. «Маму» (0.01), «искренность» (0.01), «преданность» (0.05), «отношения между людьми» (0.01), «уважение» (0.05), «дружбу» (0.01), «взаимопонимание» (0.05) чаще выбирают осуждённые женщины, просоциально ориентированные женщины чаще называют такие ценности, как: «дом» (0.01), «свою работу» (0.05), «благополучие» (0.05).

По второму вопросу («Чего Вы больше всего боитесь?») выявлены значимые различия по показателям: «болезней, неизлечимых болезней» (0.01), «лишиться работы» (0.05), «старости» (0.05), «измены мужа, потерять любовь» (0.05) чаще всего указывают просоциальные женщины, тогда как асоциальные женщины чаще дают такие ответы на вопросы, как «смерти» (0.05) и «никогда не иметь детей» (0.05).

В ответах на третий вопрос анкеты («Что Вы больше всего ненавидите?») также получены значимые различия по показателям: «предательство» (0.01), «себя» (0.01), «ИК-9» (0.05) чаще встречаются у осуждённых женщин, тогда как у просоциально ориентированных женщин такие ответы, как: «пьяниц» (0.05), «пьянство и алкоголь» (0.01), «измена и

измена мужа» (0.01), «упрямство и необоснованное упрямство» (0.05), «враньё» (0.05), «подлых людей и подлость» (0.05).

В ответах на четвёртый вопрос анкеты («Что бы Вы сделали в первую очередь, если бы Вы были волшебницей?») получены значимые различия по показателям: «наколдовала бы себе ребёнка» (0.01), «освободилась (освободиться)» (0.05) в ответах осуждённых женщин.

Направление различий свидетельствует, что для осужденных женщин более характерны и важны ценности, обусловленные той социальной ситуацией, в которой они в настоящее время находятся (свобода, освобождение, искренность, преданность, дружба, дети, родители, уважение), тогда как у женщин «социальной нормы» чаще встречаются общепринятые ценности, такие как дом, семья, дети, работа, любовь, честность, благополучие.

Наличие достаточно большого количества значимых различий в ответах на вопросы анкеты говорит о том, что ценности женщин сопоставляемых групп разительно отличаются. Это может быть обусловлено как социально-бытовыми предпосылками (болезнь, заключение), так и личностными особенностями, обусловленными условиями их развития (черты характера, уровень интеллектуального развития, образования). Кроме того, хотелось бы отметить и такой немаловажный факт, как наркотическая зависимость. Например, в группе социально благополучных молодых женщин наркотики никто никогда не пробовал и не употреблял, табачную зависимость имеют всего 10% (3 чел.) из них.

По результатам выполнения рисуночного теста «Мой ребёнок» [10] можно сказать, что у подавляющего большинства опрошенных женщин образ ребёнка слабо визуализирован, у матерей низкий уровень эмоциональной привязанности к своим детям, они практически не осознают себя в роли матерей. «Конфликт с беременностью и материнством» наблюдается у 80% (24 чел.) испытуемых, «фрустрация» – у 53.3% (16 чел.), «высокий уровень тревожности» – у 100% (30 чел.), «страх перед будущим» – у 86.7 % (26 чел.), «эмоциональная нестабильность» – у 43.3 % (13 чел.), «неуверенность в себе» – у 23.3% (7 чел.), «инфантильность» – у 53.3% (16 чел.), «зависимость от мнения окружающих» – у 46.7% (14 чел.), «эмоциональная незрелость» – у 16.7% (5 чел.), «закрытость, нежелание контактов» – у 20% (6 чел.), «наличие психологических травм» – у 3.3% (1 чел.), «склонность к агрессии» – у 23.3%

(7 чел.), «уход от реальности» – у 13.3% (4 чел.), « первоначальный отказ от рисования с последующим согласием» – у 63.3% (19 чел.).

В качестве приложения к рисуночному тесту «Мой ребёнок» испытуемым была предложена анкета, состоящая из семи вопросов, разработанная отдельно для женщин, имеющих и не имеющих детей. Анкета позволила дать более содержательную интерпретацию данных рисуночного теста.

Так, из двенадцати женщин, имеющих детей, 66.7% (8 чел.) имеют по одному ребёнку. У оставшихся 33.3% (4 чел.) по двое детей. Из восемнадцати женщин, не имеющих детей, 22.2% (4 чел.) не хотят детей, причём 11.1% (2 чел.) сформулировали такой ответ (на вопрос «Хотели бы Вы иметь ребёнка?») в завуалированной форме. Большинство испытуемых – 77.8% (14 чел.) на данный вопрос ответили положительно.

В ответах на второй вопрос нами тоже были получены противоречивые результаты. Так, женщинам, имеющим детей, был задан вопрос: «Сколько ему (ей, им) лет? Укажите пол и возраст». Отвечая на поставленный вопрос, ни одна из них не смогла дать ответ сразу, все они принялись что-то высчитывать и вспоминать. Имея детей от двух до восемнадцати лет, ни одна мать не помнила возраста своего ребёнка.

В группе женщин, не имеющих детей, второй вопрос был задан таким образом: «Сколько детей Вы бы хотели иметь и какого пола?». Отрицательный ответ получен у 5.6% (1 чел.), «одного мальчика» – у 11.1% (2 чел.), «одну девочку» – у 16.7% (3 чел.), «мальчика и девочку» – у 38.9% (7 чел.), «2 мальчика и девочку» – у 5.6% (1 чел.), «одного, пол не важен» – у 16.7% (3 чел.).

Третий вопрос анкеты для женщин, имеющих детей, звучал так: «С кем в настоящее время находится Ваш ребёнок (дети)?». Дали ложные сведения 16.7% (2 чел.) из опрошенных женщин данной группы, остальные [83.3% (10 чел.)] ответили, что дети находятся с их близкими родственниками, преимущественно родителями. Для женщин, не имеющих детей, третий вопрос был поставлен таким образом: «Вы хотели бы воспитывать своего ребёнка (детей) самостоятельно или в полной семье?». Отрицательный ответ «не хочу воспитывать» был получен у 5.6% (1 чел.), «в полной семье» ответили 77.8% (14 чел.), «в полной, но...» – 11.1% (2 чел.), «я могу воспитать его и одна» – 5.6% (1 чел.).

Четвёртый вопрос анкеты для женщин, имеющих детей, вызвал у них не только замешательство, но и высокий уровень агрессии. Он был обозначен так:

«Сколько времени у Вас было личное общение с ребёнком?». В 50% (6 чел.) случаев женщины дали уклончивый, неконкретный ответ, отражающий их внутреннюю агрессию. Лишь 50% (6 чел.) попыталась всё-таки задуматься и посчитать, сколько же было реального времени отдано ею на воспитание своего малыша.

Для женщин второй группы, не имеющих детей, четвёртый вопрос был задан иначе: «Смогли бы Вы кому-либо доверить воспитание своего будущего ребёнка (детей)?». Категоричным отказом ответили 44.4% (8 чел.) из общего числа опрошенных женщин данной группы. Нет ответа – 5.6% (1 чел.). «Маме, бабушке» – 27.8% (5 чел.), «только близкому человеку» – 5.6% (1 чел.), «своим родителям» – 5.6% (1 чел.), «...если бы со мной что-то случилось, то маме и сестре» – 5.6% (1 чел.).

Пятый вопрос анкеты для обеих групп женщин выглядел практически одинаково. Для тех, у кого есть дети, он был задан таким образом: «Если бы Вы были волшебницей, что бы Вы сделали для своего ребёнка (детей) в первую очередь?». Ответы на вопрос показали, что практически ни одна мать реально не знает своего ребёнка. Либо это были какие-то общие фразы: «всё, практически всё» – 11.1% (2 чел.), «исполнила бы все их пожелания» – 5.6% (1 чел.) или «оградила от всех бед» – 5.6% (1 чел.), либо женщины желали детям то, чего нет у них, например здоровья, счастья – 22.2% (4 чел.) или «чтоб он был самым счастливым человеком» – 5.6% (1 чел.).

Для женщин, не имеющих детей, вопрос был задан практически так же: «Если бы Вы были волшебницей, что бы Вы сделали для своего будущего ребёнка (детей) в первую очередь?». Некоторые женщины дали уклончивые ответы: «не знаю», «много, наверное» – 11.1% (2 чел.). Кто-то желал то, чего не имеет сам, например «дала бы безупречное здоровье» – 38.9% (7 чел.), «счастья» – 5.6% (1 чел.), «очень сильную волю и решительность» – 5.6% (1 чел.). Кто-то отвечал общими фразами: «чтоб у него всё было, чего у меня не было» – 5.6% (1 чел.), «превратила бы его жизнь в сказку» – 5.6% (1 чел.), «достойное будущее» – 5.6% (1 чел.) или «будущее морально и материально» – 5.6% (1 чел.). Кто-то указывал и достаточно конкретные пожелания: «чтобы он не повторил моих ошибок» – 5.6% (1 чел.) или «чтобы он с детства начал заниматься футболом и стал лучшим форвардом российской сборной» – 5.6% (1 чел.).

Шестой вопрос данной анкеты для женщин, у которых есть дети, выглядел таким образом: «Что Вы особенно любите в своём ребёнке

(детях)?». Большинство женщин просто написали «всё» – 75% (9 чел.) либо «за то, что он у меня есть» – 25% (3 чел.).

Женщинам, не имеющим детей, был задан похожий вопрос: «За что Вы могли бы особенно любить своего ребёнка?». Половина опрошенных – 50% (9 чел.) – ответили: «за то, что он есть», «за всё» ответили 27.8% (5 чел.). Попыталась конкретизировать – «за красоту, за смех, за голос» только одна женщина (5.6%). Ответили, что «он мой родной», «это моя кровь» 27.8% (5 чел.). Были и попытки защитить будущего ребёнка в случае, если он родится неполноценным: «вопреки всему», «за то, что он мой родной ребёнок, и неважно, какой он» – 11.1% (2 чел.).

Седьмой вопрос анкеты в обеих группах женщин вызвал недоумение, замешательство, а затем и агрессию. Смысл его был одинаковый, но для первой группы он был поставлен так: «Что Вы особенно ненавидите в своём ребёнке (детях)?». Для второй группы он был задан несколько иначе: «За что Вы могли бы особенно ненавидеть своего будущего ребёнка (детей)?».

Женщины, имеющие детей, в подавляющем большинстве случаев либо ответили «ничего» – 50% (6 чел.), либо поставили прочерк – 33.3% (4 чел.), либо написали отрицательный ответ: «у них нет того, что я бы в них ненавидела» – 8.3% (1 чел.). Лишь только 8.3% (1 чел.) дала конкретный ответ – «капризы по пустяку».

Женщины, не имеющие детей, в подавляющем большинстве – 83.3 % (15 чел.) – дали отрицательные ответы, такие как, например, «такого быть не может» либо «я не смогу ненавидеть своего ребёнка». Нет ответа либо прочерк – 11.1% (2 чел.). Лишь 5.6% (1 чел.) дали конкретный ответ: «когда дети отказываются и бросают своих родителей».

Полученные данные свидетельствуют, что, во-первых, в обеих группах женщины, отвечая на вопросы, демонстрировали желание казаться лучше, чем они есть на самом деле, и, судя по наблюдениям, женщины испытывали тревогу, стресс, растерянность и пр. Вопросы анкеты заставили их по-настоящему задуматься о том, какие они матери и могут ли они ими быть, как они относятся к своим детям, что они сделали для них, какой реальный вклад в их воспитание внесли и что они могут дать своим детям. На наш взгляд, это очень важно, поскольку может для кого-то из них послужить «толчком» к переосмыслению своей жизни. Во-вторых, несмотря на столь тяжёлый диагноз, каждая из них готова иметь и воспитывать детей. В-третьих, большинство из них хотели бы воспитывать своих детей в полной семье. Отвечая на шестой

вопрос анкеты, большинство женщин в первую очередь желали бы для своих детей здоровья. По-видимому, это обусловлено их диагнозом, в данном случае женщины «переносят» на детей свои нереализовавшиеся желания. Ответы на седьмой вопрос в большинстве случаев были категоричны, да и сам вопрос вызвал у женщин агрессию. Таким образом, исходя из результатов анкетирования, можно сделать вывод о том, что осуждённые склонны идеализировать действительность и ранее, в реальной жизни, не задумывались над поставленными вопросами.

Исходя из данных психологического исследования можно сделать вывод о том, что практически у всех женщин выявлен конфликт между сознательным и подсознательным отношением к беременности и детям. Безусловно, они имеют представление о том, как должно быть на самом деле (результаты ТООБ), но бессознательно (результаты рисуночного теста «Мой ребёнок», эмоциональные реакции на опрос) относятся и к материнству, и к беременности, и к детям, демонстрируя противоречивость переживаний, ситуативность оценок, отсутствие понимания смысла материнства. Судя по нашим данным, это обусловлено либо высоким уровнем эгоцентризма (методика диагностики ценностей), либо неспособностью давать отчет в своих чувствах, понимать себя, соотносить свои переживания с поведением, поступками, управлять собой (алекситимичность). В то же время у осужденных женщин достаточно выражена потребность устроить свою жизнь в будущем социально приемлемым образом. Полученные результаты дают основание рекомендовать для данного контингента с целью подготовки их к жизни после освобождения, предупреждения рецидивов тренинги социальных и жизненных умений, включающие межличностное общение, самопонимание, рефлекссию, саморегуляцию, социальную адаптацию, понимание других людей, изменение отношения к себе и другим.

Список литературы

1. *Большунова, Н.* Субъектность как социокультурное явление / Н. Большунова. – Новосибирск: Изд. НГПУ 2005. – 357 с.
2. *Боулби, Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби. – М., 2004.
3. *Боулби Дж.* Привязанность / Дж. Боулби. – М., 2003.
4. *Винникот, Д.* Маленькие дети и их матери / Д. Винникот. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998.

5. *Вшивкова, И.* Рисуночные тесты как метод исследования агрессивной материнской позиции / И.Вшивкова // Перинатальная психология и психология родительства. – 2004. – № 1. – С.12 – 43.
6. *Голубева, О.* Анализ причин и структуры пренатального страха у первородящих женщин / О.Голубева // Перинатальная психология и психология родительства. – 2006. – № 1. – С.14 – 21.
7. *Малыгина, Н.* Психологические особенности женщин с патологическим протеканием беременности / Н.Малыгина // Перинатальная психология и психология родительства. – 2005. – № 2 – С.26 – 32.
8. *Романова, Е.* Графические методы в практической психологии / Е. Романова. – СПб.: Речь, 2001. – 416с.
9. *Фетискин, Н.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.Фетискин, В.Козлов, Г.Мануйлов. – М.:Изд. Института психотерапии, 2005. – 490 с.
10. *Филиппова, Г.* Метод рисуночного теста в психологической работе с беременными / Г.Филиппова // Психотерапия в России: школы, научные исследования и практические достижения. – М., 2000. – С.11.
11. *Филиппова, Г.* Психология материнства / Г. Филиппова. – М.: Изд. Института психотерапии, 2002. – С.31 – 36.
12. *Хломов, К.* Психоэмоциональные и индивидуально-психологические особенности беременных с риском невынашивания / К. Хломов // Перинатальная психология и психология родительства. – 2005. – № 2. – С.128 – 129.
13. *Хорни, К.* Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе / К. Хорни. – СПб.: Питер, 2002. – 480 с.
14. *Эйдемиллер, Э.* Семейный диагноз и семейная психотерапия / Э. Эйдемиллер, И.Добряков, И. Никольская. –СПб.: Речь, 2006. – 352 с.